

Андрей Бурцев  
Кирилл Юрченко

“ЛЮДИ  
В СЕРОМ”

# ГОЛОВОЛОМКИ



Люди в сером

Андрей Бурцев

**Головоломки**

«Автор»

«Автор»

2013



## **Бурцев А.**

Головоломки / А. Бурцев — «Автор», «Автор», 2013 — (Люди в сером)

В стране победившего социализма принято считать, что черная магия, сношения с Сатаной, жестокие ритуалы исчезнувших народов – это все выдумка, плод фантазии древних людей, еще не знавших о мире всего того, что известно сейчас. Но агенту «Консультации» Вольфраму и его коллегам не нужно объяснять, что в реальном, понятном до мелочей современном мире есть силы, извечно преследующие человека. Они способны дарить бессмертие, способны нести проклятие. Не только отдельному индивидууму, но и целому роду, многим поколениям. Что может быть общего между молодым парнем, нашедшим странный инопланетный предмет, и могущественным кремлевским властителем, стоящим одною ногой в могиле? Как можно заложить в гены славу или гибель царствующей династии? Какая связь между текстом древнего тибетского свитка и всем известной сказкой о Лукоморье? Агенту Вольфраму и его команде предстоит решить эту головоломку.

© Бурцев А., 2013

© Автор, 2013

© Автор, 2013

## Содержание

Пролог	6
Глава первая	10
Глава вторая	23
Глава третья	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

# Андрей Бурцев, Кирилл Юрченко

## Люди в сером 3: Головоломки

*Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.*

*Мы не утверждаем, что на самом деле все происходит именно так, в таком порядке и в тех местах. Но мы твердо знаем, что нечто подобное происходило и происходит на самом деле.*

*«Истина где-то рядом» – сказал Крис Картер.*

*«Это – часть истины» – говорим мы.*

*А насколько большая часть – судите сами.*

## Пролог

*6 июня 1981 года*

Небольшой лесок обложили по всем правилам тактической науки. В нужных местах скрытно выставили снайперов. Парой километров южнее барражировала небо «вертушка» с полным боекомплектом. Приказ был получен простой и ясный: чтобы муха из этого злосчастного леса не вылетела, а если уж вылетит, то чтоб не осталась живой. И подоплеку дела командиру отряда майору Головину объяснили кратко, но исчерпывающе – в лесу находится лежка особо опасных беглых эков.

Собственно, лесом это убогое местечко в трех километрах от города Вирска назвать можно было лишь с огромной натяжкой. Так, жалкая рощица с кривыми, точно искалеченными, сосенками, да с подлеском из зарослей ольховника. И листва, и иглы были почему-то пожухлыми, тускло-желтыми, скукоженными, хотя до осени было еще далеко.

Потом в передвижном штабе, оборудованном в спецфургоне с разнообразной аппаратурой, появилось начальство, оно же заказчик операции, в лице аж трех штатских, очень похожих на профессиональных военных. Главный из них, с особо властными нотками в голосе и широким, скуластым лицом, представился Головину, как «просто Дежнев», вот так, без званий и чинов, а потом негромко скомандовал: «Начали».

Головин сказал по рации – десантный комплект наушник-микрофон – условную фразу. Кольцо вокруг леска пришло в движение, дрогнуло и стало сжиматься.

Аккурат посреди рощицы была большая поляна, на которой стояла избушка, то ли сторожка лесника, то ли просто зимовье. Давно уже ничейное, заброшенное и полуразвалившееся, оно и было целью операции. Именно в нем, по сведениям заказчика, окопалась группа беглых эков. Очень опасных, к тому же вооруженных отнятых у перебитой ими охраны «калашами». Головин в эти детали не вникал. Ему было неинтересно, кто там и чем вооружен. Да хоть Папа Римский с ядерной бомбой в кармане. Приказ получен и будет выполнен. В этом Головин не сомневался.

Так он и доложил неделю спустя комиссии по расследованию ЧП. И категорически не согласился с обвинением, что он, майор Головин, затеял самовольную операцию, инспирированную неизвестно кем («А был ли вообще этот «кто»?») и положил почти весь свой отряд. Из-за неопытности командира, бойцы затеяли в зарослях перестрелку друг с другом, а возникший вследствие этого пожар довершил дело. Такова была официальная версия.

Но к началу бесед со следователем Головин уже пришел в себя от шока и сообразил, о чем не стоит даже упоминать. Опытный спецназовец, он понял, что их элементарно подставили. Письменный приказ командира сводного Подразделения специального назначения «Каскад», который вручил Головину таинственный Главный, оказался липой, правда, липой, сработанной на высшем уровне. Даже эксперты не смогли обнаружить несоответствий в росписи, печати и т. п. Приказ был настоящим за исключением одной мелочи – начальник Управления понятия о нем не имел. Но подстава заключалась даже не в этом, а в том, что их элементарно ждали в проклятой чахлой рощице.

Сидя в камере предварительного заключения при Управлении, Головин раз за разом прокручивал череду молниеносно разворачивающихся событий, и с каждым разом убеждался все тверже – их ждали. Сжимая кольцо, бойцы уже почти подошли к поляне, когда все и началось. Пожар возник всюду одновременно, стали валиться деревья и вспучилась пригорками, точно нарываками, земля вокруг поляны, трясущаяся, как в лихорадке. Пожар был такой интенсивности, что от жара лопались кевларовые бронежилеты. Людям не оставалось ни малейшего шанса спастись, и все же из леса вышли, точнее, выползли, трое. Три человека из почти что сотни

опытных бойцов. Три обгоревших, искалеченных, но все же выживших полутрупа. Один умер по дороге в больницу, двоим удалось спасти жизнь, но не здоровье.

Но все это было потом. А тогда Головину операция казалась достаточно простой и рутинной. Даже если эков окажется в избушке не пятеро, как было обещано Заказчиком, а, допустим, пара десятков, то все равно – что они могут сделать против сотни великолепно тренированных и вооруженных по последнему слову техники бойцов? Тем более, что живых ему брать не поручали.

Головин тронул кнопочку рации.

– Альфа, доложите обстановку, – негромко сказал он.

– Все чисто, выходим на огневой. Есть визуальный контакт с объектом, – прошелестел в ответ голос командира первого отделения капитана Олейникова. – Странный тут лес, командир. Словно глубокой осенью. Полно павшей листвы. А сейчас ведь июль...

– Альфа, не отвлекайтесь, – прервал его Головин. – Что с объектом?

– Избушка совсем развалилась, – ответил Олейников. – Даже крыша просела. Непонятно, чего они тут решили укрыться. Лесок хилый, за пять минут насквозь пройти можно – не затеяешься. И... А это что за черт? – прервал он себя.

Это было последнее, что услышал от него Головин. Майор так никогда и не узнал, что там увидел его подчиненный. Олейников, правда, оказался в числе тех двоих, что выжили в бушующем аде лесного пожара. Но в первый месяц Головин содержался под стражей во время ведения следствия, а после оказалось, что оба бойца его расформированной – да что там, попросту уничтоженной – роты бесследно исчезли из больницы. Майор подозревал в этом деятельность КГБ, но копать не стал, учитывая собственное, более чем хилое, положение.

А увидел капитан Олейников нечто несообразное, абсолютно не вписывающееся в его представления о мире.

Он как раз рассматривал избушку в бинокль – выбитые окна, распахнутая дверь, провалившаяся крыша: действительно, и как они тут ночуют? – когда очертания ее вдруг затуманились, дрогнули и оплыли, как бывает только в мультике, а сквозь них появилось перед взором Олейникова нечто настолько несуразное, что он и сравнить-то ни с чем не мог.

– А это что за черт? – спросил он, оторопев, и тут же оглох.

Вернее, это капитану Олейникову показалось, что он оглох. Потому что отрубилась не только рация. Исчезли все внешние шумы, шорохи, потрескивания. Исчезли разом, как будто повернули выключатель радиоприемника, «ловившего фон». У Олейникова возникло ощущение, что его обложили толстым слоем ваты. Потому что не бывает такой всеобъемлющей, полной тишины посреди пусть хилого, но все же леса. Такой тишины вообще нигде не бывает. Он даже на миг забыл о странной штуковине. Потряс головой и, нарушая маскировку, коротко выкрикнул: «А-а!».

Звуки собственного голоса принесли краткое успокоение, доказывая, что с ним все в порядке. Олейников даже успел снять свой «калаш» с предохранителя и крикнуть в безмолвную рацию «Атас!» – условный сигнал, означающий «открыть огонь», – но выстрелить уже не успел. Непонятная штуковина, напоминающая одновременно ежа, жабу и маленькую останкинскую башню, беззвучно завертелась, точно адская шутиха, как огненный волчок, плюя во все стороны толстыми струями огня, изгибающимися дугой, как струи воды из пожарных кранов. Мгновенно вспыхнуло со всех сторон всепожирающее пламя. Олейникову показалось, будто горит даже небо. Он покатился по земле, сбивая с себя огонь, и тут его сознание отключилось от шока и боли. Далее он действовал на голых инстинктах и условных рефлексх, поэтому ничего не помнил впоследствии. Поэтому не мог пояснить, как уцелел там, где погибла сотня его товарищей, не менее сильных и тренированных, чем он.

Так основательно провалившаяся операция началась в полдень. А в пятнадцать часов здесь уже было немерено людей и техники.

Сразу же после начала катастрофы Головин связался с Управлением и запросил подмогу по тревожному коду первой степени. До их прибытия он сидел возле фургона, тупо глядя на лес, где остались его бойцы. Стиснутые кулаки майора заметно дрожали, хотя лицо оставалось непроницаемым.

Куда девался из фургона Заказчик с сотоварищами, Головин не знал. Он вообще не вспомнил о них, пока его не спросили. Один из техников сказал, что, когда замолчала рация, странная троица штатских, ни слова не говоря, поднялась и вышла на улицу. Больше их никто не видел. Правда, один из техников утверждал, будто краем глаза заметил, что они направились к пылающему уже в тот момент лесу, и ушли прямо в огонь. Но мало ли что могло показаться получившему шок человеку?

Пожар кончился удивительно быстро, еще до прибытия пожарных с техникой. Прекратился, угас сам по себе, хотя пищи для его прожорливой глотки было еще предостаточно. Собственно, выгорела только центральная часть лесочка, круг радиусом в двести метров, словно дальше огонь кто-то не пустил, но уж выгорела на совесть: и следа не осталось ни от избушки-развалюхи, ни от террористов с их таинственным товаром, ни от Заказчика с помощниками. Сгорело все начисто в указанном круге, только головешки остались, рассыпающиеся в пыль при малейшем прикосновении и без него.

Эксперты Управления пошарились-пошарились в остывшем уже пепле, плюнули, пожали плечами и укатили домой, прихватив с собой майора Головина. Двумя часами ранее две «скорые помощи», завывая сиренами, увезли три полутрупа, обгоревших до неузнаваемости. После убийства экспертов, остатки отряда Головина – снайперы, бывшие за пределами лесочка, поэтому оставшиеся целехонькими, и техники связи собрались в фургоне и покатили в том же направлении. Ехали они молча, делая вид, будто тщательно изучали новенькие, выданные каждому повестки с приказом прибыть завтра с утра в следственный отдел Управления ГБ. Так и произучали всю дорогу эти листочки, чтобы не глядеть друг на друга. Потому что всем было стыдно.

\* \* \*

*(«Совершенно секретно. Особая папка»)*

*Второе Главное Управление КГБ СССР.*

*Из донесений от 11.06.1981 г.*

*Из рапорта по ЧП с отрядом спецподразделения «Каскад» в р-не г. Вирска.*

«Довожу до вашего сведения, что после тщательной экспертизы, изъятые у майора Головина разрешительные документы признаны поддельными. Допрос его начальства никаких результатов пока не дал. Источник, из которого поступил приказ об участии спецподразделения в несанкционированной руководством операции, выявить так же не удалось. В настоящий момент прикладываются все силы, чтобы не допустить распространения слухов о массовой гибели личного состава...»

*Отдел особых расследований ВГУ КГБ. Полковник Алексеенко.*

\* \* \*

**Внутренняя документация группы «Консультация». (Русская группа «Консультация» – РГК).**

*(Входящие) Из отчетов по оперативной работе за июнь 1981 года.*



«... по результатам разработки дела «Сибирского Оракула» следы привели нашу опергруппу в г. Вирск, где в нескольких километрах от города был обнаружен объект «Лесник», поселившийся в заброшенной сторожке. Наши сканеры показали внутри наличие предметов и биосистем иноземного происхождения. Решение брать «Лесника» было принято мною лично...

...К сожалению, из-за ограниченности личного состава мы не могли развернуть полноценную операцию только собственными силами, поэтому, согласно выданному предписанию, с целью подстраховки и оперативной необходимости нами была привлечена к операции спецрота подразделения «Каскад», при полном соответствии Уставу и стандартов «Консультации» по предотвращению утечки информации...

...Во время проведения операции «Невод» произошли человеческие жертвы и привлеченная к операции рота практически полностью уничтожена. Мы стали свидетелями пожара чудовищной силы, произошедшего от неизвестного источника. «Лесник» и все артефакты уничтожены этим огнем...»

***Начальник оперативного отряда Восточно-Сибирского филиала РГК.  
Агент «Старик» (капитан Дежнев)***

\* \* \*

**Внутренняя документация группы «Консультация» (РГК).  
(Служебные поручения). Июнь. 1981 г.**

Необходимо оформить Приказ Руководству Восточно-Сибирского филиала «Консультации» о приостановлении дела «Оракула» как бесперспективного.

## Глава первая

*Председателю Исполнительного Комитета Совета Депутатов г. Сибирска Нечесову Г.К., от начальника РОВД Коммунистического р-на г. Сибирска Иволгина Т.П.  
02.10.82*

«Уважаемый Геннадий Карпович, относительно происшествия во дворе на пересечении улиц Рабочей и Пролетарской, и прилегающем к скверу Декабристов, сообщаю следующее. Согласно расследованию, проведенному силами сотрудников НИИХИММАШ и представителя АН СССР, выяснено, что в означенном дворе после работ по ремонту коллектора произошел выброс редкого природного газа, который, периодически накапливаясь, вырывался из подземных недр и вызывал массовые галлюцинации у жильцов соседних домов и посетителей двора, включая местного участкового младшего лейтенанта Серегина, который первым поднял панику и своей излишней активностью только способствовал распространению слухов. В настоящий момент Серегин уволен из органов по собственному желанию. На сегодняшний день данное явление больше не наблюдается.

*С почтением, майор милиции Иволгин».*

*14 сентября 1982 года (за полгода до описываемых событий).*

На чердаке было душно, как летом, несмотря на открытое окно. Густо пахло пылью. Серж, как всегда молчаливый и угрюмый, быстренько развернул свою немудрящую аппаратуру в самой выгодной позиции у правой створки окна, где двор был, как на ладони. Вольфраму и двоим его спутникам пришлось ютиться у левой. Достав бинокль, который только назывался так по старинке, а на деле нес в себе еще десятки разнообразных функций, Вольфрам внимательно разглядывал двор. У его локтя сопел Ляшко, новичок в отделе, да и вообще в «Консультации», но уже проявивший себя в паре дел. При мысли об этом Вольфрам тихонько вздохнул – он считал, что лучше бы Ляшко вообще никак себя не проявлял, чем так, как в те разы...

Участковый, младший лейтенант Серегин, пробормотав: «Че я там не видал?», сел чуть поодаль на пластиковый ящик из-под пива, поставленный на попа, и, достав из-за пазухи фляжку, глотнул, с любопытством разглядывая аппаратуру Сержа. Вольфрам вздохнул, ничего не сказал и перенес внимание на двор.

Двор был самый обыкновенный, каких в городе подавляющее большинство. Не сказать, что «преданье старины глубокой», но и не совсем уж «новодел». Так, срединка наполовинку.

С двух сторон его обрамляли две пятиэтажки примерно тридцатилетнего возраста, построенные еще в стиле «сталинского ампира», а чем свидетельствовала лепнина, тянущаяся под коньком крыши. Лепнина полуосыпалась, поэтому, даже разглядывая ее в бинокль, сложно было понять, что там когда-то было: то ли революционные тачанки с неизменными «максимами», то ли танки Защитников Отечества времен Второй мировой, не менее, если не более, знаменитые «Т-34».

С третьей стороны нависала, застыя пятиэтажкам солнце, редкая для Сибирска двенадцатиэтажная «высотка», без всякой, разумеется, никчемной лепнины, зато с широченными балконами-лоджиями. Боковые же ее панели, свободные от балконов и окон, сплошняком закрывали громадные щиты, успевшие уже подмокнуть и отсыреть. На одном из них изображенная, правда, лишь до пояса стюардесса в синей форме, строго улыбаясь, призывала «летать самолетами Аэрофлота». На другом аршинными буквами было выложено нечто туманно-мистическое. Несколько букв оттуда отвалились, поэтому надпись гласила: «Партия, наш ...вой». Чистая антисоветчина, куда только в горькоме глядят?

Четвертая сторона двора была прежде пустой, но с нынешней весны ее перегородили бетонным забором, за которым развернули кипучую деятельность. Вначале шокированные жильцы и так затюканных пятиэтажек решили, что это еще одна «высотка», и тогда уж «солнца нам вовсе не видать», в связи с чем стали писать коллективные письма-протесты и собираться по выходным на несанкционированные митинги посреди двора. Потом им, наконец, объяснили, что не жилой дом тут будет, а, напротив, крытый рынок. Власти, несомненно, хотели успокоить жильцов, но, как это водится, раззадорили их еще сильнее. После такого успокоения у обитателей не только пятиэтажек, но и «высотки» волосы стали дыбом на загривках. Ведь рынок – это непрерывный шум-гам, это снующие туда-сюда «Зилки», подвозящие всякие товары и густо воняющие бензином, это толпы «чурок», слетавшихся в такие места, как мухи на... сами знаете на что. Это непрерывный «распивон на троих» во дворе, куда будет страшно выпустить детей, не говоря уж о том, чтобы гулять там по вечерам с собаками. И прочее, и прочее, и прочее.

Разъяренные жильцы совсем уж было собрались «идти демонстрацией протеста» до центральной площади города, где стоял, во всю ширь площади, горком партии в совокупности с исполкомом, и высказать властям в глаза, что они думают о них самих и их «заботе о городе», а также писать коллективное письмо в Москву. Собирались, как у нас водится, долго и обстоятельно, но... не успели. Потому что во дворе завелось привидение и стало как-то не до этого.

Готовясь к операции, старший лейтенант Волков тщательно проштудировал все относящиеся к делу материалы, поэтому знал о «призраке» не меньше самих очевидцев. Все началось две недели назад. Во дворе, не в самой середке, а ближе к пятиэтажкам, был за низкой, по колено, железной оградкой разбит крошечный скверик с десятком низкорослых яблонь-«дичек» и акации, и примыкающая к нему детская площадка с неизменной кучей песка под грибом-«мухомором», игрушечного домика, «катушкой» и качелями. И вот каждый вечер, ровно в семь, на границе скверика и детской площадки стало появляться туманное марево. Чутко колебавшись даже при полном отсутствии ветра, оно начинало вращаться, сворачивалось то ли штопором, то ли миниатюрным смерчком – чуть выше ближайших «дичек» – и крутилось со скоростью старомодной пластинки, посверкивая разноцветными бликами и еле слышно потрескивая. Смерчок при этом был бледным, полупрозрачным и плохо заметным при достаточно еще ярком свете. Повертевшись так ровно полчаса, смерчок исчезал так же бесшумно, как и появлялся. Все это было бы безобидным и даже забавным, если бы всех, находившихся при этом во дворе больше тридцати секунд не охватывал дикий, неуправляемый, ничем не санкционированный страх. Даже не страх, а тот первобытный Ужас, от которого бешено колотится сердце, замирает дыхание и чернеет в глазах.

С таким Ужасом совладать не смог никто из обитателей всех трех домов, включая детей и собак. А ведь это был дворовый «час пик», когда детишки всю носились на площадке, когда выводили на прогулку домашних псин всех пород. А в скверике, за грубо сколоченным, плохо оструганным столом, потемневшим от времени, как и в старину, «забивали козла» пенсионеры, потягивая пиво вперемешку с водочкой. То есть двор был востребован именно в это время суток, и терять его люди никак не хотели.

Стали звонить в милицию, жаловаться. На четвертые сутки начальнику отделения надоело выслушивать от дежурных о постоянных звонках, и он послал участкового Серегина. В смысле, не далеко-далеко, а разобраться, что там за бодяга, принять меры, выявить виновных, словом, хватать и тягать.

Младший лейтенант Серегин, первогодок, только начавший топтать землю, не мог по этой причине возбунтовать и отказаться, прикрываясь тем, что это не его участок. Участок был Хлопырева, но тот, не желторотый юнец, а давно уже половозрелый «мусор» со всеми вытекающими, неделю назад «ушел в штопор», и вернуть его оттуда досрочно не было никакой

возможности. У Серегина зашевелились нехорошие предчувствия по поводу этого дела, но он молодецкато козырнуть «Есть!», и пошел выполнять приказ начальства.

Вечером того же дня он при полной форме вошел в указанный двор, расстегнув на всякий случай кобуру. Наверное, он был единственным милиционером в городе, носившим табельный «макаров» в кобуре на поясе, как и написано в Уставе, где его никто никогда не носит. Пистолет носят в самых разнообразных местах – в боковом кармане пиджака, сзади за брючным ремнем, словом, где угодно, только не в кобуре. И в этом наверняка есть свой глубинный смысл, недоступный зеленым новичкам.

В общем, Серегин вошел во двор без двух минут семь, в надвинутой на глаза фуражке и держа руку на поясе. В глаза сразу бросилось непонятное безлюдие. Был «час пик» всех дворов в городе. Малышня резвилась и орала на детских площадках – самые младшие под неусыпным надзором бабушек и мам. Собаки выводили своих хозяев на вечернюю прогулку. Мужики лежали под «Москвичами» и разнообразными «числами» от единицы до семерки или просто курили кучками и трепались о бабах. В общем, жизнь во дворах кипела и была ключом во все стороны. Во всем городе, но только не здесь. Здешний двор встретил Серегина зловещей тишиной и настороженным ожиданием. Озираясь, нервно вздыхая и огибая лужи, Серегин успел пройти большую часть двора и почти дошел до детской площадки, когда началось. Никогда и никому Серегин даже не намекнул о том, что испытал и пережил в те страшные минуты, когда на границе детской площадки и скверика возник и закружился прозрачный, безобидный такой смерчик, разбрасывая бледные, медленно гаснущие искры. Но в окна всех трех домов наблюдали, как милиционер с перекошенным лицом тщетно рвет из кобуры каким-то образом застрявший там пистолет, а потом галопом, потеряв по дороге фуражку, несется со двора через арку на улицу. Власть, потерпевшая фиаско, всегда представляет собой жалкое зрелище.

В отделение в кабинете, который он делил с еще тремя участковыми, Серегин долго отдыхал и отпивался теплой водой из-под крана, а потом сходу написал «Справку по делу», назвав в ней то, что происходило во дворе, «природным явлением мелкого масштаба», «угрожающим не жизни, но чести и достоинству граждан, а также их детей и собак», в следствие чего рекомендовал передать дело в Академию Наук. И опять-таки ни слова не написал о том, что конкретно произошло с ним в том дворе, когда появился смерчик.

На следующий день начальник отделения долго пыхтел, кричал и хмурился над этой «Справкой», потом махнул рукой и убрал ее в стол.

Еще четыре дня прошло без происшествий, не считая продолжающихся от терроризируемых «природным явлением» жильцов звонков с жалобами и угрозами. А на пятый в том проклятом дворе исчез человек.

«Высотка» считалась элитным домом, где все квартиры были трех и даже четырех комнатные. Селиться в таких домах должны были только ответственные партийные и номенклатурные работники. И непонятно, каким образом затесался в ряды ее жильцов Василий Григорьевич Свиначев, бывший не секретарем обкома или зав. отделом культуры горисполкома, а простым советским пенсионером. Впрочем, может, он был не совсем «простым», а каким-нибудь там стахановцем и прочим передовиком славных прежних времен. История об этом умалчивает. В трезвом виде Василий Григорьевич был вполне интеллигентен и безобиден, но когда входил в запой, из него так и перла дикая энергия, побуждающая «разоблачать и наказывать». «Разоблачал» Василий Григорьевич всех, начиная с правительства и кончая соседями по дому. Делал это громогласно, с «высокой трибуны», которой ему служил собственный балкон, как на грех расположенный аккурат над единственным подъездом «высотки» на третьем этаже. И все бы еще ничего, но после «разоблачений» Василий Григорьевич приступал к наказаниям, и делал это весьма оригинальным способом, а именно, пытался опрыскать из природного шланга, без которого не появляется на свет ни один мужчина, всех входящих и выходящих из дома виновных. А поскольку, виновными в его глазах были все, то доставалось тоже

всем, кто не спрятался. Прямо хоть с зонтиком ходи. Уж и увещевали Василия Григорьевича, и стыдили, и сажали на «пятнашку». Один грузин, сильно пострадавший от «наказания», даже порывался его побить, но постеснялся ввиду преклонного возраста «этой твари, понимаешь?» И все без толку. Потому что пьяный Василий Григорьевич не слушал никого и не замолкал, без устали «разоблачая», а трезвый не помнил в упор, что было, и только виновато улыбался и тихонечко извинялся.

И вот, когда начались эти передраги с «призраком», первую неделю Свиначев был трезвый и, как остальные, со страхом наблюдал за смерчиком из окна. А на вторую у него начался запой.

И вот на девятый день явления вышел Василий Григорьевич вечером на балкон и давай честить и разоблачать «гнусные происки империализмов» и требовать, чтобы они подошли к нему, дабы понести наказание.

Смерчик крутился, где был, не вникая его пламенной речи. Тогда Василий Григорьевич погрозил ему костлявым кулаком и прогремел на весь двор не совсем понятное: «Если гора не идет к Махмеду, то Махмед не гордый...»

Из всех трех домов с ужасом наблюдали, как Василий Григорьевич вышел из подъезда и, сильно качаясь, но непреклонно пошел к детской площадке. Его, казалось, ничто не брало. Подойдя чуть ли не вплотную, он, качаясь и грозя пальцем, хорошо поставленным театральным голосом объявил на весь двор: «Нечистой силы нет, кругом одна материализма, а потому – изыди!»

И стал расстегивать ширинку.

В отличие от жильцов, природное явление не потерпело такого поношения действием. Десятки очевидцев потом рассказывали, как смерчик вдруг дрогнул, остановился, широко распахнулся, словно разведя руки, и заключил непреклонного Василия Григорьевича в свои полупрозрачные объятия. И тут же беззвучно исчез вместе со стариком. На десять минут раньше срока.

Это было последней каплей терпения, и начальник отделения милиции, наконец, сообразивший, что ничего само по себе не рассосется, объявил гнусному призраку вендетту. А именно, стал обзванивать городские НИИ да слать рапорты по инстанциям. Но одновременно этим делом заинтересовались совсем в иных кругах, следствием чего и явилось появление в терроризируемом дворе группы Волкова, по кодовому имени – Вольфрам.

– Ну что там, все тихо? – не отрываясь от бинокля, спросил Вольфрам Сержа.

– Конфигурации в норме, – пожал одним плечом Серж. – Да рано. Еще полчаса до начала.

– Флюктуации полевой структуры могут начинаться раньше видимых явлений, – сказал лежащий между Вольфрамом и техником Сержем третий член их маленькой группы, Олег Ляшко.

– Могут... – покосился на него Вольфрам.

Выпендривается молодняк, подумал он, ощутив беспричинную, и потому неприятную злость. Зеленый еще, как весенняя листва, всего на третьем задании, а туда же, знатока корчит. И хвост распускает явно перед «летехой» участковым, сверстником, а может, и знакомым, что вовсе уж нежелательно.

Вольфрам усилием воли попытался погасить в себе раздражение, сделав на памяти зарубку поговорить после дела с Ляшко, чтобы поменьше трепался на заданиях, особенно при посторонних. С другой стороны, Ляшко – сенс, а сенсы все такие, с закидонами. Главное, чтобы был управляемым и делал то, что от него требуется. Не больше и не меньше, как часто говорит любимый шеф Анисимов, вместе с которым Вольфрам распутал не одно заковыристое «дельце».

К сожалению, подумал Вольфрам, не удалось взять с собой остальных ребят. А то было бы вообще здорово. Но – не сложилось. Поэтому по прибытии, помимо текучки, на Вольфрама

пала еще одна обязанность – подобрать себе в группу надежных людей, желательно, из молодых...

– Мужики, а вы кто? – изрядно заплетающимся языком спросил вдруг Серегин. – Ученые, что ль?

– Ученые, ученые, – согласно кивнул ему Вольфрам.

– Угу, – хмыкнул Серегин. – То-то ап-паратурка у вас... – он ткнул рукой в сторону Сержа. – Не видал такой.

Собственно, в аппаратуре Сержа ничего примечательного и странного не было: просто два ящичка с объективами, похожих на старинные фотоаппараты, установленные на треногах. Специально так и было задумано, чтобы они не бросались в глаза. Но что-то необычное все-таки ухватил глаз участкового. Или он просто хотел поточить ляды?

– Обычные датчики, – буркнул Серж. – Регистраторы полей. Ничего странного.

– Угу, угу, – закивал Серегин. – И сами вы странные, – заявил он внезапно и полез за фляжкой.

Э-э, да его просто развезло, – неприязненно подумал, косясь на него, Вольфрам.

– Может, тебе хватит? – мягко сказал он.

Но Серегин уже отвинтил крышечку и сделал большой глоток. Поток завинтил фляжку и убрал обратно за пазуху, но китель уже не стал застегивать. Так и сидел на ящике в расстегнутом форменном кителе и съехавшей на левый бок фуражкой. Примечательно, что предлагать выпивку ни Вольфраму, ни остальным он не стал.

– Да я вообще не пью, – после некоторого молчания заявил вдруг он.

Вольфрама от этих слов аж передернуло, хотя внешне он виду не подал.

– Так-то все не пьют, – бросил он. – Просто лечатся от жизни.

Серегин шумно вздохнул, как больной слон. Светлые глаза его затуманились.

– Мужики, зачем я вам? – тоскливо спросил он. – Может, я пойду, а? А вы тут сами... как-нибудь...

– Сиди, – бросил ему Вольфрам. – Твой участок? Вот и сиди.

Серегин не стал объяснять, что злосчастный этот участок вовсе не его, что его элементарно подставили более опытные товарищи. Он просто еще раз вздохнул.

– Ты нужен нам, лейтенант, – проникновенно сказал ему Олег Ляшко. – Ты очень нам нужен.

Он вдруг встал во весь рост и потянулся. Был он «среднего роста, плечистый и крепкий», как говорится в известном стихотворении, и походил скорее на физкультурника или легкоатлета, чем на очкарика-ученого, тем более, что и очков-то у него не было.

– Сейчас я пойду туда, – Олег кивнул на чердачное окно. – А ты будешь вместе со всеми смотреть, и, если будет нужно, потом расскажешь, как меня уколошили и чем именно. – И обаятельно улыбнулся оторопевшему Серегину.

– Это как?.. Ты – туда?.. – участковый неопределенно ткнул рукой в пространство, у него только челюсть не упала на пыльные доски чердака.

– Ага. Я – туда, – Олег еще раз улыбнулся ему и поправил резинку, собравшую сзади в хвост его длинные русые волосы.

– Один, – страдальчески сморщился Серегин.

– Один, – еще кивок. – Профессия у меня такая – ходить одному.

И с прической он тоже выпендривается, неприязненно подумал Вольфрам. Без году неделя в «Консультации», а туда же, стричься он, видите ли, не хочет, как положено.

Честно говоря, Вольфрам тут был не совсем прав. «Консультация» не была военизированным учреждением, и нормы причесок в ней не устанавливались. Но были же общепринятые нормы внешнего вида. Где это видано, чтобы у парня волосы ниже плеч, как у красной девицы... Нет, не нравился Вольфраму новичок. Откажусь я от него, подумал он, пристально



рассматривая по-прежнему пустой двор. Вот закончим это дело – и откажусь. В нашем деле мужчина должен быть мужчиной...

– Так я пошел? – спросил позади него Олег.

Вольфрам мельком оглянулся.

– Давай, – буркнул он, – время уже.

Припавший к искателю самого большого из трех «фотоаппарата» Серж ничего не сказал.

Когда Олег ушел с чердака, участковый Серегин вздохнул, цыкнул зубом и вновь потянул фляжку из-за пазухи.

– Гляди, напьешься, – не глядя на него, предостерегающе сказал Вольфрам.

– Напьюсь, – кивнул Серегин и успел подхватить свалившуюся было фуражку. – Лучше напиться, чем как в прошлый раз.

Вольфрам не стал спрашивать, что случилось в прошлый раз – ему это было неинтересно.

– Ну-ну, – сказал он. – Только не облуй меня ненароком.

Вместо ответа Серегин запрокинул голову и сделал два гулких глотка.

– Внимание, – напряженно подал голос Серж.

Во дворе появился Олег. Невооруженным глазом он казался отсюда, с высоты пяти с лишним этажей, еще более приземистым и широкоплечим, совсем не похожим на себя. Неторопливо он шел по двору, как человек, которому нечем заняться в этот летний тихий вечер. Пару раз оглянулся, потом достал сигарету и долго прикуривал. Вольфрам знал, что Ляшко не курит – это была маскировка, – но все равно брезгливо дернул плечом. Табак он считал наркотиком, и курящих не любил, как и любой, сам куривший когда-то, хотя с тех пор уже прошло много времени.

Сзади ерзал и откашливался Серегин, кажется, снова «принимал», но отвлекаться на него уже не было времени. Молчит, не лезет под руку – и то хорошо.

– Минута, – сказал Серж. – Отсчет пошел.

Вольфрам поднес бинокль к глазам, и где-то в области селезенки у него заработал хронометр, монотонно отсчитывая секунды. Пятнадцать... Тридцать... Сорок пять...

Олег как раз подошел к детской площадке, когда началось. Вольфрам впился пальцами в бинокль так, что побелели костяшки. В начале операции его всегда пробирал мандраж, хотя Вольфрам не признался бы в этом никому на свете. Со стороны ничего не было заметно ни по лицу, ни даже по глазам, и выражалось только в том, что первые секунд тридцать ему обязательно нужно было что-нибудь стиснуть в руках.

Смерчик появился ровно в девятнадцать ноль-ноль, секунда в секунду. Все было так, как описывали многочисленные свидетели-жалобщики из числа жильцов окружающих домов. Воздух на границе детской площадки и скверика, немного левее аляповато раскрашенного игрушечного домика, чуть потемнел, заколыхался и вдруг развернулся полотнищем полупрозрачной субстанции, которая тут же, начиная вращаться против часовой стрелки, скрутилась в штопор-смерч, тоже полупрозрачный, но искрящийся и потрескивающий. Впрочем, все это было чуть ли не на грани восприятия, и большинство проходящих мимо ничего бы не заметили, если бы не понесшаяся от него во все стороны волна дикого, животного ужаса. Черного Ужаса.

Даже здесь, на чердаке, Вольфрам ощутил пронесшуюся по телу дрожь. Дернулись пальцы, заморгали разом заслезившиеся глаза, ёкнула селезенка. Вольфрам на мгновение опустил бинокль и протер глаза. Каково же там Ляшко, подумал он, если даже нас так пробрало?

– Ни хрена себе, – раздался сбоку голос колдовавшего над своей аппаратурой Сержа. – Аж все зашкалило!

– Ничего, не впервые, – сквозь зубы пробормотал Вольфрам, глядя в бинокль, как Олег перешагнул декоративную оградку площадки и стал медленно, шаг за шагом, подходить к диковинному смерчику.

Сидя на ящике, участковый Серегин с нарастающим страхом и недоумением слушал их разговор. Серж со своим диковинным «фотоаппаратом» уже не походил на фотографа. На пулеметчика он походил, вот на кого. На пулеметчика, глядящего, как наступают ровные ряды каппелевцев, и ждущего, чтобы они подошли поближе. Как в «Чапаеве»...

Потом началось и вовсе несуразное.

– Напряжение резко скакнуло! – хрипло выкрикнул Серж. – Олег! Не суйся туда! Вольф, скажи ему!.. Надо захлопывать! Пока нас самих не прихлопнуло!

Серегин глядел, как Вольфрам, не отрывая глаз от бинокля, дотронулся свободной рукой до мочки левого уха.

– Ляшко, ты слишком близко! Отойди! – проговорил он в пустоту.

И тут же как бы из ниоткуда раздался голос Олега, чересчур спокойный, хотя само это спокойствие его напряженность:

– Погодите, там кто-то есть. Хочу с ним поговорить. Сейчас установлю контакт и...

На секунду он замолчал, потом заорал так, что Серегин чуть не слетел с ящика:

– Серж, давай! Влупи им!..

Серегин резко дернул головой и взмахнул руками, стараясь сохранить равновесие на шатком своем сидении. Фуражка покатилась в чердачную пыль. Но участковый этого даже не заметил. Он видел, словно во сне, как из «фотоаппарата» Сержа появился вдруг ярко-лимонный луч, направленный куда-то во двор. А долгое мгновение спустя Серж плавно, точно в замедленной съемке, изогнулся и оторвавшись от своей «машинки», стал падать, зацепив в падении треногу. «Фотоаппарат» не упал, только накренился. Бьющий из него толстый луч света направился вверх, задев попутно переплет рамы чердачного окна.

Разлетевшись на куски, рама вылетела наружу. Все заглушил звон битого стекла, и этот звук словно подал Серегину команду действовать.

Сам он потом так и не вспомнил, что делал следующую минуту. Лишь по рассказам Вольфрама он знал, что, когда упал Серж, Серегин подскочил к «фотоаппарату», который Вольфрам поименовал «лучевой пушкой», и, грамотно и четко, словно долго тренировался, произвел «заглушку» почти совсем уже открытого портала, умудрившись не задеть при этом торчавшего рядом Олега. Потом выключил «пушку», опять-таки правильно, снизив сначала мощность и напряжение. И все это Серегин проделал, впервые в жизни видя такую аппаратуру и понятия не имея, для чего она предназначена.

Когда Серегин себя осознал, он сидел во дворе на низеньком бордюрике песочницы. Фуражка куда-то девалась, но это его не волновало. Он попытался вспомнить, что было, но в голове была дикая каша непонятных звуков и образов. И еще он помнил донесшийся со двора дикий вопль. Чей-то вопль, чей-то совсем чужой вопль. Рядом с ним сидели Вольфрам и Олег. И Вольфрам, глядя сузившимися глазами в пустой скверик, яростно выговаривал Олегу, а тот лишь молча кивал:

– ...когда слышишь приказ, надо его выполнять, а не дебаты разводить. Контакт ему захотелось, любопытный ты наш. А Серж погиб, потому что промедлил. Ему надо было сразу «глушить», а он боялся задеть тебя, дурака...

– Мужики, – очумевшим голосом прервал его Серегин. – А что это было?..

Вольфрам повернулся и пристально посмотрел на него.

– Портал это был, – неожиданно спокойным голосом сказал Вольфрам. – Портал – это дверь такая, проход в другие миры...

– Знаю, – оборвал его Серегин. – Читал фантастику. Но ведь их не существует...

– Существует, как видишь. И один из них ты только что сам «заглушил». Ну, захлопнул, что ли. Закрыл. Понятно?

– Понятно, – растерянно пробормотал Серегин. – Но... А кто так страшно орал?

– Видишь ли, – поднял голову Олег, – когда резко захлопываешь дверь, можно кому-нибудь прищемить пальцы. Или слишком любопытный нос. Считай, что именно это ты и сделал.

– А ты помолчал бы, Ляшко, – снова со злостью сказал Вольфрам. – Я бы на твоём месте поблагодарил лейтенанта, он ведь тебе жизнь спас. Если бы не он, лежал бы ты сейчас холодным трупом. Как Серж...

Олег недоумевающе уставился на Серегина.

– Но... Как же ты...

Серегин с силой замотал головой.

– Не знаю. Поверишь, ничего не помню? А эти другие миры... – обратился он к Вольфраму. – Там что, тоже люди живут?

– Люди – не люди, но живут там точно, – сказал Вольфрам.

Глаза участкового стали по блюдцу.

– О...еть, – прошептал он. – Мужики, да кто вы?

На узком лице Вольфрама промелькнула мимолетная улыбка.

– А мы как раз те, кто такие порталы закрывает, – сказал он. – И дает по рукам всяким непрошеным гостям.

– О...еть, – повторил Серегин. – А у них что, и руки есть? – задал он нелепый вопрос.

– Ну, что-то у них там есть, – туманно ответил Вольфрам. – Ладно, пора уходить. Сейчас любопытные начнут собираться. А на фига нам всякие зрители да свидетели? Чердак я запер, – добавил он, перехватив недоуменный взгляд Олега. – Ночью придут «чистильщики» и все заберут. И аппаратуру, и Сержа.

– А Серж точно... – осторожно спросил Олег.

Вольфрам встал и дернул плечом. Серегин отметил, что у него это получается выразительно.

– Точно, – отрезал он. – А тебя, Ляшко, так же точно ждет служебное расследование. Пошли. – Он обернулся к Серегину. – Ну, лейтенант, ты с нами?

Серегин не раздумывал ни секунды. Он все еще пребывал в обалдевшем состоянии, в каком, как во сне, возможно все.

– А... можно? – зачем-то спросил он.

– Нужно! – веско сказал Вольфрам. – После того, что ты сделал – нужно!

И они пошли со двора, шлепая прямо по не успевшим еще застыть по вечернему времени осенним лужам. На улице, по словам Вольфрама, их ждала машина.

## ДЕЛА КРУПНЫЕ И МЕЛКИЕ – 1

*(«Совершенно секретно. Особая папка»)*

**06.06.1983 г.**

***Начальнику управления особыми отделами КГБ СССР***

### Приказ.

Необходимо создать комплексную группу для выполнения специального задания, связанного с осуществлением поисковых мероприятий в р-не г. Свердловска. Всей полнотой информации обладает Иван Павлович Сорокин, которому поручено курировать данное мероприятие. В его распоряжение должна поступить группа ученых и специалистов, список прилагается...

***Генеральный секретарь ЦК КПСС Андропов.***

\* \* \*

*Первому секретарю горкома КПСС г. Свердловска.  
06.06.1983 г.*

### **Служебная записка**

Прошу оказать полное материальное и техническое содействие группе тов. Сорокина И.П... Ожидаемый срок прибытия 11.06.83 г.

*Генеральный секретарь ЦК КПСС Андропов.*

*6 июня 1983 года*

Профессор Павлюков Николай Андреевич появился в отделе ровно за пять минут до начала обеденного перерыва.

– Где Штерн? Срочно ко мне, – бросил он в пространство, проходя меж столами сотрудников, в основном, женщин, которые при виде его засуетились, поспешно убирая зеркала, помаду и прочие прикрасы, не имеющие отношения к истории Тибета.

Павлюков никогда не здоровался сам, – как с подчиненными, так и с начальством, считая любые проявления вежливости пустыми ритуалами, зря отнимающими время, – и не приветствовал вежливость в сотрудниках. Скрывшись за обитой дерматином дверью в приемную, он коротко кивнул секретарше и повторил:

– Леночка, срочно мне Штерна. И больше никого.

И скрылся в своем кабинете. Там он сел за стол и уставился в никуда, время от времени барабанил пальцами по полированной крышке стола. Сидел он так не долго. Буквально через пару минут в кабинет вошел его заместитель Штерн. Вошел, разумеется, без стука, который профессор также относил к ненужным ритуалам. Впрочем, стучать не было нужды – сидящая в приемной на страже Леночка не пропустила бы никого без нужды.

– Что-то случилось, Николай Андреевич, – спросил Штерн с порога с ноткой недовольства в голосе.

Пунктуальный до последней стадии педантичности, он уже направился было на первый этаж Института в столовую, когда его отловили и перенаправили к шефу, предупредив при этом, что «сам не в духе».

– Садитесь, Герман Иванович, – бросил Павлюков и щелкнул рычажком селектора, стоящего справа от массивного письменного прибора, выполненного из мрамора в виде средневекового замка с двумя башенками, стеной и даже рвом, где лежали три ручки. По цоколю прибора шла надпись: «Николаю Андреевичу Павлюкову в честь Юбилея. 50!» Прибор был вручен в торжественной обстановке совсем недавно, весной, и Павлюков все еще украдкой любовался им.

– Леночка, ко мне никого. И никаких звонков», – сказал он в селектор и вернул рычажок на место.

Штерн тем временем сел в одно из двух больших кожаных кресел у стола.

– Что случилось, Николай Андреевич? – спросил он.

– Я сейчас был там, – ответил Павлюков, направив указательный палец в потолок.

– У директора? – уточнил Штерн, любивший во всем ясность и не терпевший намеков.

– Берите выше, Герман Иванович. Берите выше! – с какой-то лихостью в голосе сказал Павлюков.

– В Министерстве Культуры, – понял Штерн.

– Еще выше! – провозгласил Павлюков. – Выше!

– Да что это за игра в угадку, Николай Андреевич? – нахмурился Штерн.

Он уже семь лет был заместителем начальника отдела Института Востока, поэтому в разговоре с Павлюковым мог позволить себе некоторые вольности.

– Меня вызывал к себе Юрий Владимирович, – с восторженным ужасом в голосе провозгласил Павлюков.

Штерн пошарил в памяти, но не нашел никого из обширной когорты начальства с таким именем.

– Не понимаю вас, – качнул он головой.

Павлюков достал из внутреннего кармана пиджака аккуратно сложенный носовой платок и промокнул им высокий лоб. Потом убрал платок на место.

– Юрий Владимирович Андропов, – понизив голос почти до шепота, сказал он. – Сам Генеральный Секретарь...

– ЦэКа КПСС, – закончил Штерн и с шумом выдохнул. – Ну, Николай Андреевич!.. А я-то уж что подумал. Все ясно. Вы идете на повышение. Неужели директором нашего Института?

– Может быть, может быть, – с плохо скрываемым торжеством в голосе сказал Павлюков. – Но сперва предстоит поработать. Грядет экспедиция, Герман Иванович.

– Понятно, – Штерн достал из бокового кармана большой блокнот, раскрыл на столе. – Место назначения? Цель? Сроки? Состав участников? – начал перечислять все по пунктам.

– Что вы! Что вы! – замахал руками Павлюков. – Никаких записей, Герман Иванович! Никаких записей! Все в голове. Записать разрешаю только список необходимых вещей и оборудования.

– Хорошо, – пожал плечами Штерн. – Как скажете. Мы с вами все обсудим, и к понедельнику я подготовлю список...

– Список мы подготовим сейчас, – прервал его Павлюков. – Ни малейшей проволоочки.

– Но как же без обеда... – попытался было возразить Штерн.

– Возможно, придется и без ужина, – твердо сказал Павлюков. – Завтра утром я должен отнести его на Огарева, в Девятый отдел. Главное, не упустить ничего, чтобы потом локти не кусать.

– Николай Андреевич, вы все больше пугаете меня, – нахмурился Штерн. – Причем здесь Комитет?

– Это комплексная экспедиция, – сказал Павлюков. – И курирует ее именно Комитет Государственной Безопасности. Он же снабдит всем необходимым. Все по высшему разряду. Сверхважно и сверхсекретно. И сверхсрочно, Герман Иванович. В понедельник экспедиция уже должна вылететь...

– Да как же успеть, Николай Андреевич? – воскликнул Штерн. – Сегодня уже четверг, а впереди два выходных.

– Надо успеть, Герман, надо, – Павлюков впервые назвал своего зама по имени, чего тот даже не заметил. – Слишком многое зависит от нее.

В первую очередь, твое директорство, с неожиданной для самого себя неприязнью подумал Штерн, прилагая значительные усилия, чтобы эти крамольные мысли не выразились у него на лице.

– В конце концов, когда я стану директором Института, кто возглавит наш отдел? – словно прочитав его мысли, добавил Павлюков.

Штерн коротко прокашлялся.

– И кто будет от нашего отдела? – деловито спросил он.

– Мы с вами, Герман Иванович, только мы с вами. Больше ведь никому...

За составлением списка необходимого они просидели до самой ночи. Уже к концу рабочего дня секретарша Леночка принесла им в кабинет обед на двоих, он же по совместительству ужин, и ушла домой, как и все остальные сотрудники.

Было далеко за полночь, когда они, разминая усталые пылцы и мозги, закончили со списком. Список оказался неожиданно более обширным, чем первоначально предполагал Штерн. И он все еще не знал цели и места назначения экспедиции.

Павлюков довез своего заместителя до дому на служебной машине, которая терпеливо дожидалась его, поскольку Метро уже закрылось. И только когда они расстались, Павлюков уехал, а Штерн шагнул под темную арку, ведущую в его двор, он вдруг сообразил, что так и не задал мучивший его весь вечер вопрос: а как же получилось, что сам Генеральный Секретарь ЦК, небожитель, Бог Богов, возглавлявший кремлевский Олимп, обратился к профессору Павлюкову напрямую, минуя длинную очередь инстанций, начиная с Министра Культуры и кончая директором Института Востока?

Ответа на этот вопрос Штерн никогда не узнал.

\* \* \*

*7 июня 1983 года*

В эту же ночь небожитель, Бог Богов, возглавлявший кремлевский Олимп, Генеральный Секретарь ЦК КПСС Юрий Владимирович Андропов тоже долго не спал. Но не потому, что бы загружен работой. Мучила бессонница. Кстати, впервые с июля 1949 года, когда над ним, бывшим еще в Карелии на высшей партийной работе, сгустились тучи разворачивающейся по всей стране новой «сталинской чистки». Юрий Владимирович тяжело вздохнул и повернулся на правый бок. Скрипнули пружины кровати. Заменить надо, мелькнула побочная мысль. Мелькнула и сменилась другими, казалось, более насущными, которые покатались по наезженной уже колее.

Надо не дать «старперам» собрать съезд, подумал он о бывших своих соратниках по партии и даже начальниках, ставших теперь, как пыль под ногами. Но эту пыль требуется еще растоптать, а потом смести веником или мокрой тряпкой... или чем там пыль убирают? Юрий Владимирович смолodu не занимался так называемой «домашней работой», поэтому об уборке имел самые смутные представления. Но сам образ ему понравился. Смести как пыль с лица Истории, мысленно повторил он про себя и едва заметно усмехнулся.

Снова повернулся на левый бок и постарался ни о чем не думать, чтобы побыстрее заснуть. Обычно ему это удавалось, но не сегодня. Юрий Владимирович – а он давно уже позиционировал себя именно так, по имени-отчеству, – с молодых лет учился владеть собой досконально, вплоть до физиологических процессов организма. И это ему удавалось, очевидно, были какие-то врожденные таланты и предрасположенности. Но сегодня почему-то ничего не срабатывало.

Не открывая глаз, он мысленно пробежал по пунктам все, сделанное сегодня. Вроде, все правильно, ничего не упущено. Никто не забыт и ничто не забыто. Откуда же тогда этот червячок тревоги?

А сон все не приходил. Досадливо крякнув, Юрий Владимирович включил ночник, встал, сунув ноги в теплые шлепанцы, накинул махровый банный халат. Он жил в кремлевской квартире один, поэтому никого не мог потревожить. Кинул взгляд на массивные настольные часы, стоящие рядом с ночником на прикроватном столике – два тридцать ночи. Глухое время. Время, когда царствуют темные силы, пронеслось в голове что-то прочитанное давным-давно. Юрий Владимирович запахнул халат и прошел на балкон.

Здесь, на балконе, на высоте третьего этажа, стал слышен известный московский гул, словно дыхание большого города, никогда не умолкающий, въедающийся в кровь и плоть его



жителей. Июньские ночи еще несли в себе прохладу, и Юрий Владимирович зябко повел костлявыми плечами, но с балкона не ушел. Облокотился на широкие перила и стал смотреть на огни большого города, который станет, должен стать Столицей Мира.

И тут он понял, почему не может уснуть. Сегодня принято судьбоносное решение, может, самое важное с тех пор, как Русь выбрала Православие. Это решение принял он, Юрий Владимирович Андропов. Приказы отданы, люди подобраны, машина завертелась. И теперь уже ничего не зависело лично от него. Нет, конечно, он будет следить за событиями, «держать руку на пульсе», но претворять в жизнь грандиозный план будут другие. Он сделал свое дело, выполнил миссию, к которой шел столько лет. Теперь остается только ждать результатов. Но напряжение, в котором он находился столько лет, практически, всю сознательную жизнь, не покидало его. Юрий Владимирович разучился расслабляться. Отсюда тревоги, отсюда бессонная ночь – и сколько таких ночей еще впереди.

Но ничего, подумал он, это мы переживем. Лишь бы не подвело слабое, подточенное болезнями и старостью тело. Не должно подвести, не смеет. Осталось всего-ничего. Несколько месяцев лишь продержаться, максимум – полгода. Ради Цели, которую он теперь ясно видел перед собой – открыть путь новой династии, Роду, который станет Владыкой и Господином не одной шестой, а всего этого дурацкого шарика над названием Земля. Единодержавие – единственно верный путь, справедливость которого подтверждается на Руси с незапамятных времен и до наших дней. Твердая рука, зажатая в кулак. И Власть, передающаяся по наследству, но не выродившимся отребьям, а тем, кто имеет запас внутренней энергии, силу духа, кто готов нести жертвы ради идеала, умеет и хочет рисковать ради осуществления Великой Задачи. Их много было претендентов на основание такого Рода, много остается и сейчас. Есть из кого выбирать. Главное, чтобы...

И словно в ответ на его мысли, резко кольнуло в правом боку, в области печени. Не дожидаясь повторных уколов, Юрий Владимирович торопливо нашарил в кармане халата тубик, вытряхнул из него пару таблеток и, бросив в рот, проглотил «на сухую». Чего-чего, а глотать лекарства в любой форме жизнь его приучила.

Проглотив, он постоял, прислушиваясь к организму, но повторных уколов не последовало. Главное, душить приступы в зародыше, с удовлетворением подумал он. Все нежелательные явления нужно душить в зародыше. Это гораздо проще, чем расхлебывать потом последствия...

Внизу послышался хруст камешков, которыми были уложены кремлевские дорожки, под сапогами. Охрана, которая тоже не спит. Юрий Владимирович остался было на балконе, – его не было видно снизу, – но там мелькнул огонек, а потом дуновение воздуха донесло резкий, неприятный запах табачного дыма. Охранник, в нарушение Устава, решил покурить.

Юрий Владимирович брезгливо поморщился, прошел в комнату и плотно закрыл балконную дверь. Табака он не переносил, и к курению относился крайне отрицательно. Никакого табака, а тем более, наркотиков. Никакого алкоголя. Исключение составлял лишь очень хороший французский коньяк, и то в лечебных дозах.

Настроение было испорчено дураком-охранником. Завтра надо поговорить с начальником кремлевской охраны. Юрий Владимирович бросил раздраженный взгляд на часы – три часа десять минут. Завтра – это уже сегодня – исправился он.

\* \* \*

*7 июня 1983 года*

Этой ночью, далеко от Москвы, в городе, довольно большом по меркам Сибири, но ничтожном в столичных масштабах, не спал еще один человек. Впрочем, он не спал и все

предыдущие ночи. За последние два года он утратил потребность спать. Зато взамен приобрел много других полезных способностей.

Он сидел в полутьме комнаты, освещаемой тусклым ночником на стене, а на столе перед ним были разложены сокровища. Странные, непонятные изделия, которых роднило меж собой одно – неяркий, заметный лишь в сумерках или полной темноте, мерцающий свет, напоминающий оттенком свет далекой Луны. Он водил руками над этими предметами, словно оглаживал их, будто ласкал, выбирая тот, который на этот раз откликнется на его бесконтактную ласку. Это уже происходило трижды, и он был уверен, что произойдет и еще не раз. Первоначально предметов, упакованных в большое вместилище, напоминающее толстый дипломат, какие он видел в зарубежных фильмах, было тридцать три. Теперь осталось тридцать. Тридцать головоломок, решение которых сулило неземное блаженство. Головоломками их назвал он сам, хотя не был уверен, что это подходящее имя.

И он не был уверен, что все еще может считать себя человеком.

## Глава вторая

**Внутренняя документация группы «Консультация» (РГК).**  
*(Исходящие) Служебная переписка. Май 1983 года.*

**Агенту «Баргузину». Восточно-Сибирский филиал РГК.**  
Приказ об открытии дела «Химера».

«...Кураторы сообщают о появлении новых обстоятельств, связанных с расследованием дела «Оракула». Они же заявляют о том, что операция «Невод» в 1981 году не была завершена должным образом. Речь идет об утечке очень важного артефакта. Необходимо создать особую группу для уточнения всех обстоятельств. Думаю, что агент Вольфрам – наиболее достойная кандидатура».

*Главный консул РГК. Агент «Аякс». Центр.*

\* \* \*

**Внутренняя документация группы «Консультация» (РГК).**  
*(Исходящие) Служебная переписка. Май 1983 года.*

**Главному консулу РГК. Агенту «Аяксу». Центр.**

«...участились случаи появления объектов, которые по кодовой системе «Консультации» носят название «Смерч-юла». В настоящее время агент Вольфрам с группой занят их уничтожением. Кроме того, его группа сформирована лишь частично. Я смогу освободить Вольфрама и его людей от этой деятельности и перенаправить на задания, связанные с делом «Оракула», только в том случае, если получу на замену дополнительную оперативную группу. Прошу содействия... По итогам операции «Невод» ведется служебное расследование».

*Агент «Баргузин». Сибирск.*

*24 мая 1983 года*

– Не узнаю тебя, Волков, – ровным голосом, в котором чуть проскальзывали раздраженные нотки, сказал Анисимов. – Квёлый ты стал какой-то, равнодушный. Я даже подумываю, не зря ли взял тебя с собой. Климат тебе в Сибири, что ли, не подходит? Так ты скажи, можно ведь и обратно, в Карелию. Младшим оперативником, потому как руководящий состав там имеется в полном комплекте.

Они сидели в кабинете Сергея Ивановича Анисимова, начальника Восточно-Сибирского филиала «Консультации». Анисимов, как полагается начальству, за массивным письменным столом. Вольфрам – в кресле для посетителей. Глубокое, кожаное, на колесиках, сегодня оно казалось Вольфраму особенно неудобным.

– Да нет, все в порядке, – собственный голос показался Вольфраму каким-то скрипучим и хрустящим, как несмазанные шестеренки. Он поиграл желваками на скулах, чтобы немного успокоиться. – Операция успешно завершена. Какие могут быть претензии?

Анисимов стукнул ладонью по столу и поморщился. Вышло громко, но больно.

– Операция будет завершена, когда начальство сочтет ее таковой, – громыхнул он с прорезавшимися в голосе несвойственными ему металлическими нотками. – И оно же даст ей оценку. Понятно тебе, дурья башка?

– Под начальством вы подразумеваете себя или кого повыше, из Центра? – игнорируя провокационное оскорбление, ехидно спросил Вольфрам.

– Ага, огрызаться ты еще не разучился, – тоном ниже сказал Анисимов. – Правильно Яковлев... агент «Аякс», считает тебя строптивым малым. Этого у тебя не отнять. Осталось только научиться работать без огрехов.

– Операция была проведена без ошибок, – упрямо повторил Вольфрам. – Все прорывы локализованы, порталы заглушены. Все. Точка.

Он вдруг подумал, что вышестоящее начальство, как ни крути, по головке не погладит ни его, ни Анисимова. Но если за шефом по сути никакой вины нет, то он, Волков Георгий Ефимович, по уши в дерьме. И совершенно кстати упомянутый Яковлев Иван Сергеевич, главный консул и первая фигура в «Центре», даже при том, что у Вольфрама с ним всегда были хорошие отношения (все-таки еще до «Консультации» в одной конторе когда-то работали), будет рвать и метать еще почище Анисимова.

– Да нет, не все! Совсем даже не все! – словно чуя его мысли, снова вскипел Анисимов. – Без ошибок, говоришь? Да, за эти полгода вы с грехом пополам закрыли порталы. Но какой ценой? Или ты Сергея Юревского уже успел позабыть? Он ведь погиб при этом... – Анисимов прервался, чтобы налить в стакан воды из графина. Руки его при этом заметно дрожали.

Вольфрам тоже молчал, опустив глаза, потом, когда Анисимов залпом выпил полстакана, сказал:

– Тогда мы не знали, что заглушка порталов должна вестись с трех «импульсников», в этом случае ответный удар, как вы знаете, мы называем его «отдачей», становится в три раза слабее. Но у меня тогда была слишком маленькая группа. И мы не знали, что нужно ставить страховочные «импульсники». К тому же, этот первый портал был какой-то очень сильный. Серж... Юровский перед гибелью... – Вольфрам запнулся на этом слове, полгода прошло, но боль потери не унялась, да и не привык он, чтобы у него гибли люди, – успел перед смертью сказать, что все приборы зашкалило. Но у меня тогда была слишком маленькая группа... – чувствуя, что оправдывается, повторил Вольфрам.

– Да и сейчас нет у тебя никакой группы, – махнул рукой Анисимов. – О чем ты говоришь? Техник Юровский погиб с самого начала, с тех пор с тобой ходят техники из других групп. Сверхурочно ходят, заметь. На экстрасенса Олега Ляшко ты подал рапорт о несоответствии... Кстати, какого черта Ляшко поперся тогда к порталу? Чего он там забыл? Ты должен был поставить его к запасному «импульснику», а во двор прогуляться сам, если уж так припичило. Твоя была ошибка, командир. А ты валишь теперь с больной головы...

Вольфрам начал подозревать, что не спроста Анисимов ударился в воспоминания, и вообще, кто из них валит с больной головы на здоровую, это еще надо разобраться.

– Я тогда не отправлял Ляшко во двор, – ошетинился он. – Он сам решил туда пойти. Не знаю, почему – сенсам всегда виднее. А расспрашивать не было времени, тем более, при посторонних. Наверное, что-то унюхал там, в том портале...

– Наверное, – передразнил его Анисимов, – слишком много у тебя этих «наверное». И ты бы помягче с Ляшко, что ли. Что ты все время наезжаешь на него? Знаешь ведь, через что он прошел.

– Мы все через что-то прошли, – огрызнулся Вольфрам, – и это еще не повод...

– Афганский плен, это тебе не карманников по подворотням ловить. У него же после этого такое отвращение к армии и всему военному должно быть...

– Я не ловил карманников, – угрюмо сказал Вольфрам. – А Ляшко первым все время лезет в бутылку. У меня такое впечатление, что служба вообще ему в тягость. Или доказать чего рвется.

– Может, и доказать, – сказал Анисимов. – И все равно, кончай с ним собачиться.

– Он не выполняет приказы.

– Значит, приказывай так, чтобы выполнял. Он входит в состав твоей группы и останется в ней. Никуда его от тебя не уберут. Все. Тема закрыта.

Вольфрам покатал желваки на острых скулах, мрачно глядя в пол.

– Ясно, – сказал он. – Разрешите выполнять?

– И какого-то черта ты стал вдруг носиться с тем участковым... как его... – словно ни в чем не бывало, продолжал Анисимов.

– Младший лейтенант Серегин.

– Вот именно, младший, – язвительно сказал Анисимов. – Он же еще мальчишка. Молокосос. Ничего не умеет. И вообще, какое ты имел право принимать решение самостоятельно?

Вместо того, чтобы снова выдать чего-нибудь в ответ, Волков настороженно посмотрел на шефа. Как бы агент «Баргузин» совсем не рассвирепел.

– Можно подумать, у «Консультации» лишних людей – вагон и маленькая тележка, – Вольфрам сощурил левый глаз. Нет, не спроста Анисимов так завелся.

– А Серегин мне нужен, – добавил он. – Парень прирожденный интуитив. Понимаете, прирожденный. Он ситуацию чувствует на уровне инстинктов. Вот обучат его как следует... Да такому цены не будет.

– Ладно, я понял. Поучили – и будет. Нет у нас больше времени на учебу, – угрюмо ответил Анисимов. – И вообще ни на что нет времени. К нам прибыл Куратор. И непременно хочет встретиться с тобой.

Вольфрам почувствовал, что у него внезапно вспотели ладони. Так вот, в чем дело!

Куратор – это круто. Это круче, чем любое головоломное задание из тех, что он выполнял. И не потому, что Куратор был начальством. А потому, что Куратор не был человеком. Из этого вытекало, что на очереди будет весьма интересное дело. Гораздо серьезнее, чем затыкать какие-то там порталы.

\* \* \*

«Консультация» была организацией международной, точнее сказать – всемирной, филиалы которой находились во всех странах и регионах земного шара. И одновременно, «Консультация» была организацией секретной, тайной не только от населения Земли, но и от правящих кругов всех стран. Разумеется, нельзя вести активную работу, оставаясь полностью в тени. Поэтому в правительстве каждой страны были люди, осведомленные о существовании «Консультации». Но «Консультация» была многолика. В каждой стране она прикрывалась иной маской, в зависимости от специфики этой страны. Где-то это была еще одна спецслужба, где-то научная лаборатория, где-то частный фонд по поддержке голодающих детей. Тысячи масок были у нее, и до сих пор все работали безукоризненно, и была надежда, что так будет и впредь. Потому что «Консультация» для этого пользовалась внеземными технологиями.

Собственно, «Консультация» – сеть, накинута на земной шарик, – была создана и предназначена для одного: пресечь незаконную деятельность на Земле гостей извне, будь то Космос или Смежные Миры, а также ликвидировать последствия оной. Проще говоря, население Земли не должно знать, что их родную планету не только посещали и стремятся делать это в дальнейшем разнообразные пришельцы, но и вообще о том, что таковые пришельцы существуют во вселенной.

Парадокс состоял в том, что саму «Консультацию» основали не люди. Это сделала некая космическая раса, называющая себя Смотрителями Галактики. Смотрители издавна имели на Земле свои интересы, вели какую-то деятельность и, очевидно, считали нашу планету своим Протекторатом. Они и создали «Консультацию», чтобы оградить Землю от бесконтрольного влияния Извне.

В «Консультации» работали люди, но направляли ее деятельность Смотрители через своих представителей, изредка появляющихся то тут, то там, но чаще связывающихся с руководством нужного филиала по спецсвязи. Этих представителей называли Кураторами. Кура-

торы были почти неотличимы от людей, и не скрывали, что являются не самими Смотрителями, а лишь расой, помогающей им на Земле.

Вообще, Смотрители Галактики проводили в «Консультации» очень скрытную политику, полную тайн, недомолвок и слухов. С одной стороны, они утверждали, что являются нечто средним между Галактической Полицией и Миротворческими Силами, призванными поддерживать закон и порядок среди многочисленных рас, населяющих Галактику. С другой стороны, сами Смотрители никогда не появлялись на Земле, предпочитая действовать через создаваемых ими биороботов – искусственных существ, специально выращенных для определенных целей, – либо, как в случае с Кураторами, руками расы-помощника, называемой хортами. Впрочем, Вольфрам подозревал, имея на то основания, что хорты являются не расой, а общим названием по роду деятельности, как мы говорим, например, матросы или юристы, характеризуя не расовую принадлежность, а профессию.

По «Консультации» ходили, также, упорные слухи, что Смотрители Галактики вообще не покидают своей родной планеты. Впрочем, чего-чего, а слухов в «Консультации» всегда хватало, порой самых противоречивых, потому что Смотрители не устраивали для своих служащих ликбеза. Они снабжали «Консультацию» аппаратурой, приборами, механизмами и даже оружием, аналогов которым не было на Земле, но все это служило чисто утилитарным целям борьбы с пришельцами извне, которые почему-то слетались на Землю, как мухи на... скажем, мёд. Или для чистой ликвидации следов уже совершенной деятельности оных. Но даже региональным руководителям «Консультации» никогда не сообщалось никаких сведений, помимо необходимых для исполнения указанных задач. Поэтому сотрудники «Консультации», отлично знавшие, например, что нужно сделать для того, чтобы слухи о посадке очередной «летающей тарелки» оставались на уровне вымыслов, одновременно понятия не имели о жизни в Галактике или хотя бы об истинной цели прибытия на Землю тех или иных инопланетян. Кураторам, ставившим очередные задачи, приходилось верить на слово, а это безумно раздражало Вольфрама.

И был еще один аспект, с которым Вольфрам не мог в душе согласиться. Смотрители, создавая руками хортов «Консультацию», поставили оно незыблемое условие: земляне не должны выходить в космос дальше орбиты их родной планеты. Беспилотные устройства – сколько угодно. Сами люди – никогда.

Вольфрам прекрасно знал, что «Консультация» как таковая, появилась где-то в середине семидесятых годов, не так уж давно, как раз во время полетов американцев на Луну. Собственно, «Консультация» и закрыла эти полеты, и в дальнейшем была вынуждена препятствовать развитию людьми космических технологий. А для этого «Консультация» должна держать руку на пульсе науки и ограничивать, а то и вовсе закрывать целые научные направления. Такова была плата за безопасность землян.

Вольфрам, уже не первый год работавший в «Консультации», прекрасно видел, что если бы не ее деятельность, Землю уже сейчас захлестнули бы толпы пришельцев, носителей неизмеримо более высоких технологий, и на этом самостоятельному развитию Человечества пришел бы конец, какой пришел малоразвитым туземцам всех европейских колоний. И речь тут шла не только и не столько о науке и технике, сколько о Культуре в целом. Колонисты, даже освободившись от протектората, уже не были способны развивать свою умершую Культуру, а были вынуждены и дальше копировать Культуру захватчиков. И копия всегда была и будет хуже оригинала. Таковы законы Вселенной.

Поэтому Вольфрам понимал, что «Консультация» необходима, что работы, которые они ведут, просто спасают Земную цивилизацию от уничтожения. Но он при этом считал, что слишком большую цену земляне платят за Безопасность. В мире всегда существовал выбор: Свобода или Безопасность. Люди так и не научились сочетать одно с другим, да, возможно, это



вообще не сочетаемые понятия. Вот только Человечеству никто такой выбор сделать не дал. За него выбрали другие.

Именно это и бесило Вольфрама, хотя он ни с кем не делился такими мыслями.

\* \* \*

Они ждали Куратора на третьем подземном этаже «Консультации» – Вольфрам и Анисимов – в специальном кабинете, защищенном от прослушивания любого вида такой головоломной электроникой, какая не снилась ЦРУ с Моссадом и Ми-6 вместе взятым. Третий этаж – это считая сверху. Восточно-Сибирский филиал «Консультации» располагался в здании конторы с мудреным названием «Рос. Сиб. Глав. Упр. надзор». На вывеске у входа в недавно построенное изящное двухэтажное здание не расшифровывалось, над чем этот зверь надзирал. Внутри же любознательных посетителей ждал грозный вахтер, требующий пропуска, которые должны были выписываться неизвестно кем. Но если любознательный все же миновал каким-то чудом этот препон, то оказывался в системе коридоров с кабинетами, где узнавал, что надзирает это учреждение всего лишь за экологией. Слово это было для наших граждан мудреное, заграничное, только входило в обиход и вроде бы все поясняло, но на самом деле только больше запутывало.

Впрочем, это была еще не «Консультация». «Рос. Сиб. Глав. упр. надзор» на самом деле занимал оба этажа здания и функционировал не для прикрытия. И даже его служащие, ежедневно приходящие на работу, не знали, что под зданием есть целых шесть подземных этажей, пройти которые, не имея магнитных карточек, замаскированных под визитки, было невозможно, даже имея танки и тяжелую артиллерию.

В кабинете, залитом резким светом трубок дневного света, не было письменных столов и шкафов – неменных атрибутов любых кабинетов. Вместо них была два низких диванчика и несколько массивных кожаных кресел. Толстый ковер на полу напоминал траву. Фотообои на стенах, с такими живыми, яркими красками, каких Вольфрам больше нигде не видел, изображали залитую солнцем лесную поляну. И все это в совокупности расслабляло и создавало нечто вроде уюта.

Анисимов расселся на диванчике и даже вроде задремал. Или притворился, не желая вступать в ненужные разговоры – дескать, придет Куратор и все объяснит. Возможно, он действительно не знал, о чем пойдет речь.

Вольфрам сел рядом с ним и на всякий случай прогнал в памяти этапы последнего дела. В отличие от начальства, он по-прежнему считал, что в тех сложившихся условиях операция успешно выполнена. Что касается привлечения постороннего, так это даже пошло на пользу Конторе – как называл Вольфрам про себя «Консультацию». Серегин сходу прошел все вступительные тесты, заработал отличные баллы, в общем, вкалывал от зари до темна на квалификационных курсах. Было это физически нелегко, особенно в режиме ускоренной подготовки (а Вольфрам настоял именно на таковой). Несмотря на применявшиеся там необычные технологии, от курсанта требовались все силы и все его знания, чтобы успешно впитывать громадный объем требующихся знаний и навыков. Это время Вольфрам неоднократно справлялся, как дела у его протеже. И, судя по всему, все было отлично.

Куратор появился внезапно. Задумавшийся Вольфрам не усек момента его возникновения. Просто поднял глаза и увидел высокого, под два метра, стройного человека, стоящего посреди комнаты. Вольфрам вздрогнул. Анисимов открыл глаза и слегка улыбнулся. Куратор подкатил кресло и сел напротив них.

– У вас имеет место утечка, – сказал он негромко приятным баритоном.

Вольфрам краем глаза заметил, как при этих словах у Анисимова чуть дернулся уголок рта.

– Извините, – начал было Анисимов, – но о чем идет речь...

– У вас утечка, – бесцеремонно перебил его Куратор.

– Вы уж меня простите, – резко встрял в разговор Вольфрам, ему не понравилось, как началась беседа. – Хотелось бы знать, с кем мы имеем честь беседовать?

Куратор молча уставился на него немигающим взглядом, что на его лице с ровными, правильными чертами производило неприятное впечатление.

– Вы не представились, – пояснил Вольфрам.

– Это обязательно? – спросил Куратор.

– В данном случае – да, – сказал Вольфрам. – Вы же знаете, как зовут нас.

Он смотрел на невозмутимого Куратора, но одновременно не выпускал из поля зрения Анисимова, который достал носовой платок и начал зачем-то вытирать руки. На лице начальника явно проглядывала смесь облегчения с неодобрением.

– Знаю, – сказал Куратор. – Вы Георгий Ефимович Волков. У вас используют трехсоставную систему имен.

– Предпочитаю имя Вольфрам, – серьезно сказал Вольфрам.

– Просто Вольфрам? – недоуменно спросил Куратор. – Это настоящее имя?

– Все имена настоящие, – кивнул Вольфрам, – но мне больше нравится это.

– Волков, – предостерегающе прошипел Анисимов.

– Все в порядке. Я понимаю, – сказал Куратор. – Можете называть меня хорт Дин.

– Просто Дин – и все? – прищурился на него Вольфрам.

– Хорт Дин, – повторил Куратор, выделяя первое слово. – Так будет правильно. И все понятно.

– Допустим, – никак не мог уговориться Вольфрам, хотя и сам чувствовал, что его «понесло». – Но еще у нас принято здороваться при встрече.

Анисимов не выдержал, громко откашлялся и как можно незаметнее ткнул Вольфрама локтем в бок.

– Зачем? – спросил Куратор без тени эмоций.

Вольфрам дернул правым плечом.

– Так принято. Простое проявление уважения к собеседникам.

– Ненужная потеря времени, – сказал Куратор. – Людям свойственно постоянно терять время без цели. Хортам – нет. Мы с вами потеряли целых четыре минуты. Жалко. Давайте говорить о деле.

– И все же я бы хотел... – начал было Вольфрам, но Анисимов перебил его.

– Старший лейтенант Волков! – рявкнул он.

Вольфрам повернулся к нему.

– Да, Сергей Иванович? – невинно спросил он.

– Прекратите!

– Я понял, – сказал Вольфрам. – Прекращаю... – Секунду помолчал и повторил самым проникновенным тоном: – Да понял я, Сергей Иванович, понял.

– Извините, – резко выдохнув, сказал Анисимов Куратору. – Мы вас внимательно слушаем.

– У вас имеет место утечка, – как ни в чем не бывало, повторил Куратор. – Два года назад, в июне 1981 года по вашему исчислению, во время операции по изъятию, проходившей под кодовым названием «Невод», был упущен опасный артефакт.

– Тогда мы здесь ни при чем, – отрицательно качнул головой Вольфрам. – Мы здесь с Сергеем Ивановичем работаем здесь менее полугода. До нас были другие.

– Я в курсе, – чуть наклонил голову Куратор. – Говоря «у вас» я имел в виду ваше региональное отделение «Консультации». Операция «Невод» была проведена не чисто. С погрешностями. С ошибками. В итоге артефакт попал в руки случайного человека. Это очень опасно.

Наши хозяева очень встревожены этим фактом. Артефакт негативно воздействует на людей. Его нужно изъять. Нужно выявить его нынешнего владельца и изъять у него артефакт.

– Понятно, – сказал Анисимов. – Для этого нужно больше информации. Что за артефакт? Как выглядит? Как именно негативно воздействует? У кого он может находиться, в смысле, как его лоцировать?

– Это неизвестно, – ответил Куратор.

– Тогда задача невыполнима, – сказал Вольфрам. – Найти, не зная что, не зная где и у кого?.. Невозможно. От чего-то же мы должны отталкиваться.

– Есть подозреваемый, – по-прежнему без эмоций сказал Куратор.

– На чем основаны подозрения? – тут же спросил Вольфрам.

– Имеется ключевой момент, – пояснил Куратор. – 6 июня 1981 года. День проведения операции «Невод». Есть факты, что при постоянном контакте с артефактом человек меняется, следовательно, неизбежно будет меняться его поведение в обществе – порвутся прежние связи, возникнут новые, неожиданные. Это можно отследить. Мы это уже отследили. Операция «Невод» была проведена в вашем регионе, в трех километрах от города Вирска.

– Глухомань... – простонал Вольфрам.

– Через неделю после этого на том месте побывал учитель биологии местной школы номер два, – продолжал Куратор. – Векшин Аврелий Борисович. Месяц спустя он резко уволился с работы и переехал в Сибирск. Вы сможете найти его и проверить на наличие у него артефакта.

– Это мы сможем, – вздохнул Анисимов. – Но... Впрочем, здесь все понятно. Для начала я думаю, нужно поднять документацию и найти того, кто проводил операцию.

– Это ваша работа, – сказал Куратор. – У меня все.

Вольфрам упорно молчал, разглядывая ковер на полу.

Анисимов снова вздохнул.

– Мне одно непонятно, – сказал он. – Можно же было просто сбросить сообщение. Почему вы прибыли лично?

К удивлению Вольфрама, Куратор немного поколебался, прежде чем ответить на этот вопрос. Задержка длилась долю секунды, но не укрылась от опытного взгляда оперативника.

– Изъятие артефакта должно быть проведено в тайне. Даже от ваших коллег по «Консультации». Вы глава местного филиала «Консультации» и должны быть в курсе. Мои хозяева захотели, чтобы оперативную часть работы провел Георгий Волков, – к удивлению Вольфрама, на бесстрастном лице Куратора возникла легкая тень улыбки – только чуть приподнялись уголки губ, – который любит имя Вольфрам.

– В одиночку я много не наработаю, – проворчал Вольфрам. – Нужно подключить всю мою группу.

– Конечно, – сказал Куратор. – Но ведь они не обязаны знать, над чем именно работают.

– Все предельно явно, – кивнул Анисимов. – Мы разберемся в этом деле.

– У меня все, – Куратор одним текучим движением встал с кресла и пошел к двери, неслышно ступая по коврику.

Сделав несколько шагов, он обернулся и взглянул на Вольфрама.

– Я знаю, – сказал он, – что у людей принято не только здороваться при встрече, но и прощаться при расставании. До свидания, люди Анисимов и Вольфрам.

– До свидания, хорт Дин, – в легком полупоклоне привстал с дивана Вольфрам.

Анисимов только кивнул с улыбкой.

Куратор вышел из комнаты.

\* \* \*

– Ну, и что означает твоя эскапада? – спросил вдруг Анисимов почти час спустя.

Все это время они просидели в его кабинете перед компьютером, собирая информацию по операции двухгодичной давности. К удивлению Вольфрама, информации было недопустимо мало. Проводила ее группа капитана Дежнева, старейшего оперативника «Консультации» и тогдашнего заместителя шефа местного филиала Парамонова.

Парамонов умер в прошлом году. Преклонные годы, три инсульта подряд, после третьего спасти не удалось, несмотря на усилия медиков «Консультации», которые много чего могли и умели. Вольфрам отметил это про себя, как мелкую странность.

Дежнев вышел в отставку по возрасту, получив к уходу звание майора, продал квартиру в Сибирске и безвылазно проживал на даче в десяти километрах от города. Телефона там не было, и Вольфрам тут же поставил для себя первым делом съездить туда.

По учителю никаких сведений, помимо уже сообщенных Куратором, выдоить из компьютера не удалось. Он вообще попал в базу «Консультации» на самой периферии, как человек, побывавший на месте проведения операции. Разумеется, Дежнев там все зачистил, да и пожар случился не хилый, так что ничего там увидеть учитель не мог. Но все же был отмечен Наблюдателями «Консультации». А место проведения любой операции как минимум неделю потом находилось под наблюдением специального отдела. Так, на всякий случай.

Вопрос Анисимова застал Вольфрама врасплох.

– Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, с Куратором. Чего ты к нему прицепился? Обиделся, что не поздоровались с тобой? Мало уважения проявили?

– Да нет, – сказал Вольфрам. – Не в этом дело. Я просто считаю, что со своими уставами в чужой монастырь не суются. Раз Кураторы общаются с людьми, то пусть и ведут себя так, как принято у нас.

– Резок ты больно, – неодобрительно проворчал Анисимов. – В научном отделе вообще считают, что Кураторы – не разумные существа, а биороботы Смотрителей наподобие их Разведчиков, выполняющие определенные функции.

– Да нет, – усмехнулся вдруг Вольфрам. – Сегодня я точно понял, что они не роботы. Они просто косят под них.

– Нарвешься когда-нибудь, – вздохнул Анисимов. – Ладно, эмоции побоку, давай ближе к делу. Чем думаешь заняться в первую очередь?

– Разумеется, капитаном... пардон, майором Дежневым, – сказал Вольфрам. – Почему бы коллеге не навестить старика?

– Ладно, давай, коллега, – сказал Анисимов. – Только будь осторожнее, про секретность не забывай. Держи меня в курсе. И подключай своего любимого новичка, хватит ему в классах штаны на тестах протирать. Есть мысли, как назовем нынешнюю операцию?

– Есть, – кивнул Вольфрам. – Операция «Химера», например. Звучит?

Разумеется, он знал о любви начальника к мифологии. О начальстве вообще надо знать как можно больше. К примеру, имя «Баргузин» подходило Анисимову как нельзя кстати – насколько Вольфрам помнил, этот мощный байкальский ветер имеет довольно суровый нрав и непредсказуемый характер. И если во всем известной песне его просят «пошевеливать вал» – то это не более чем красивый словесный оборот. Если он захочет, и без того использует всю свою мощь, никого не спрашивая.

– Звучит, – одобрил Анисимов. – А почему «Химера»?

– Человек плюс артефакт, – любезно пояснил Вольфрам. – Соединение несоединимых частей. Чем не «Химера»?

## ДЕЛА КРУПНЫЕ И МЕЛКИЕ – 2

*Секретно*

*26 июля 1975*

*№ 2004-А ЦК КПСС*

### **О сносе особняка Ипатьева в городе Свердловске.**

Антисоветскими кругами на Западе периодически инспирируются различного рода пропагандистские кампании вокруг царской семьи Романовых, и в этой связи нередко упоминается бывший особняк купца Ипатьева в г. Свердловске.

Дом Ипатьева продолжает стоять в центре города. В нём размещается учебный пункт областного управления культуры. Архитектурной и иной ценности особняк не представляет, к нему проявляет интерес лишь незначительная часть горожан и туристов.

В последнее время Свердловск начали посещать зарубежные специалисты. В дальнейшем круг иностранцев может значительно расшириться, и дом Ипатьева станет объектом их серьёзного внимания.

В связи с этим представляется целесообразным поручить Свердловскому обкому КПСС решить вопрос о сносе особняка в порядке плановой реконструкции города.

Проект постановления ЦК КПСС прилагается.

Просим рассмотреть.

*Председатель Комитета госбезопасности Андропов.*

\* \* \*

*Третьему секретарю.*

*Начальникам отделов снабжения.*

### **Приказ**

1. Встретить группу тов. Сорокина И.П. утром 11 июня.
2. Выделить группе тов. Сорокина И.П. машину с водителем (вездеход), продовольствие на указанный им срок и прочие средства, какие будут затребованы. Все разрядки отмечать у секретаря в 2-х (двух) дневный срок.

*Первый секретарь ГК КПСС г. Свердловска. 10.06.1983 г.*

*11 июня 1983 года*

В Свердловск, бывший когда-то, в седой древности Екатеринбургом, поезд пришел рано утром, когда летнее солнце еще не палило, а грело мягко и ласково. На листьях высоких акаций, окаймлявших здание свердловского вокзала, и на красноватых каменных блоках, из которых было сложено это здание, наверное, еще дореволюционной постройки – всюду горели и переливались капельки росы. Но любоваться мелкими красотами жизни Павлюкову было некогда. Предстояло выгрузить из багажного вагона больше тонны тюков и тяжелых баулов, так что трудились все члены небольшой и уже начавшей спланиваться экспедиции.

Еще в пятницу поставленные сроки отбытия экспедиции казались опытному в таких делах Павлюкову совершенно нереальными, и он ждал, что их вот-вот отодвинут на недельку-другую. Но в этот же день, перед самым концом работы, его вызвал к себе директор Института и сообщил, что он, Павлюков, вместе со своим замом Штерном приписан к составу комплексной экспедиции, в связи с чем нужные документы и наличку получит в понедельник.

Выходные ушли на личные сборы. Утром понедельника Павлюков получил в кассе Института некоторую сумму, почему-то раза в полтора больше обычно положенной, а к обеду ему позвонили и незнакомый голос попросил его зайти в Первый отдел Института. Профессор Павлюков, как и прочие сотрудники, бывал там не однократно, но на сей раз в кабинете начальника отдела сидел незнакомый хмурый, темноволосый человек с густыми, почти сросшимися на переносице бровями.

– Иван Павлович Сорокин, – представился он. – Начальник экспедиции.

С тремя остальными членами этого странного мероприятия Павлюков познакомился уже в поезде. Все вместе, вшестером они занимали два смежных купе. Когда поезд тронулся и за окном проплыл московский вокзал, они собрались в одном купе знакомиться. Разумеется, кроме традиционного чая, который принес им всем проводник, и закусок к нему на столике возникли две бутылки хорошего армянского коньяку «пять звездочек». При этом чекисты, как старомодно называл Павлюков представителей КГБ, не отставали от других.

Чекистов было двое. Начальник экспедиции Сорокин и молодой, но подтянутый и аккуратно подстриженный парнишка, фамилия которого так и не прозвучала, а звался он Кешей. Кроме них, в купе еще был некто хмурый, лет тридцати с небольшим, почти не разговаривающий член с непонятным статусом, который едва выдавил из себя фамилию Максютов, а потом все застолье просидел в углу купе, не принимая участие в разговорах. Прочем, коньяк он поглощал наравне со всеми. Последней была дама, Миронова Екатерина Семеновна, биолог и врач экспедиции, как любезно представил ее Сорокин. Дама была из разряда «не дам», как метко определил смешной, но не совсем приличный анекдот. Сухощавая, невысокая, с резкими чертами худого лица, она держалась со всеми одинаково сухо, коньяк пила по-мужски, залпом, в разговорах не кокетничала, в общем, совершенно не походила на тех женщин, что напрашиваются на флирт. Павлюков был этим вполне доволен. Он никогда не заводил в экспедициях романы. Штерн же напротив, насколько Павлюков его знал, должен был испытывать некоторое разочарование. Но все было еще впереди. Удовольствие от общения с девушками достигается через преодоление препятствий, как писали классики. И, помощник и соратник профессора, наверняка всю экспедицию станут эти препятствия мужественно пытаться преодолеть. Павлюков относился к этому терпимо, не впадая в ханжескую мораль и считая, что каждый живет, как хочет...

И вот теперь все стояли на пустом перроне перед внушительной кучей вещей. Вчерашний коньяк оказался качественным, так что никто не страдал похмельем и головной болью. Привокзальное радио гремело на всю платформу, исполняя извечный шлягер, каким оно, наверное, встречало все московские поезда: «Утро красит нежным светом стены белого Кремля...» Но даже это не казалось утомительным и влиvalo в Павлюкова бодрость.

Наконец, вернулся начальник экспедиции.

– Машина нас уже ждет, – объявил он. – Давайте-ка посмотрим, сумеем ли мы взять все вещи сразу, или придется бегать туда-сюда...

Если партия (в данном случае, КГБ) сказала «надо», комсомол (в данном случае, остальные члены их комплексной экспедиции) ответил: «есть!». Так что они сумели взять все вещи сразу, нагрузившись при этом, как верблюды. Резкая дама Миронова играла роль грузчика наравне с остальными, и это стало решающим доводом.

Машина оказалась довольно-таки старым, дребезжащим «уазиком»-фургоном защитного, темно-зеленого цвета. И это была, пожалуй, единственная машина, – не считая, разуме-

ется, грузовиков, – куда смогло поместиться все: и вещи, и люди. Они поехали по утопающим в зелени улицам, подпрыгивая на неровностях городских магистралей. Нетерпеливый Штерн, разумеется, тут же осведомился, куда они направляются.

– К дому Ипатьева, – ответил, не оборачиваясь, сидевший рядом с водителем начальник экспедиции Сорокин.

Все сразу притихли, словно только теперь осознали, куда и зачем они едут. Павлюкова, хотя он и был историком, никогда не интересовала судьба последнего российского царя и его семьи. Он знал краткие, сухие факты: арестован в Екатеринбурге в 1918 году, содержался в доме инженера Ипатьева, расстрелян в том же году, когда была опасность, что город возьмут белогвардейские части. Павлюкова все это не трогало. Расстреляли, значит, так было надо. Он даже никогда не задумывался, что значит: «расстрелян вместе со всей семьей». Он даже толком не знал, кто там в эту семью входил. Жена была, разумеется, сколько-то там дочерей, сын... Это были не люди, а слова и цифры, которые не могли тронуть душу.

Но вот сейчас, трясаясь на жесткой скамье «уазика», по мере приближения к этому зловещему дому, профессор Павлюков вдруг начал ощущать какое-то неудобство, быстро переходящее в тревогу. Что-то еще неосознанное все сильнее давило на душу, и он впервые в жизни стал сознавать весь ужас того места, куда они направлялись, ужас, который не только не рассеялся, не ослаб, но, напротив, укрепился с прошедшими десятилетиями и стал лишь сильнее.

– Погодите, погодите, – внезапно воскликнул сидящий рядом с ним Штерн. – Как это «к дому Ипатьева». Он же, кажется, был снесен лет шесть назад.

– Он точно был снесен, – по-прежнему не оборачиваясь, ответил Сорокин. – Говоря «к дому», я, разумеется, имел в виду, к тому месту, где был дом. Там сейчас пустырь, где ничего не растет, кроме полыни да крапивы. Но рядом с домом, чуть поодаль, была сторожка. Ее и спасло как раз то, что она располагалась не вплотную к дому, а чуть в стороне. Вот там-то мы и разместимся на ночь.

– Понятно, – растерянно протянул Штерн.

Павлюков то ли крикнул, то ли прочистил горло. Остальные промолчали.

Павлюков представить себе не мог, как они «всем колхозом» разместятся в какой-то сторожке, какую профессор тут же представил себе в виде вагончика, в каком обычно располагались ночные сторожа на стройках. Но он порешил, что начальству в лице Сорокина виднее. К тому же перекантоваться предстояло только ночь, а уже завтра они должны были выехать на предполагаемое место тайного захоронения останков царской фамилии – настоящей и единственной цели комплексной экспедиции.

Сторожка оказалась совсем не тем, что представлял себе Павлюков. За заброшенным пустырем, лежащим в конце улицы Карла Либкнехта, стоял двухэтажный каменный дом. Пустырь был почему-то гораздо ниже улицы, и казалось, что дом вырастает прямо из земли. Не широкий, в три окна, он, тем не менее, предоставлял экспедиции более чем достаточно места. «Уазик» решили не разгружать, только отпустили до утра водителя, поскольку он был местный.

Весь первый этаж сторожки занимала обширная комната. Снаружи дом имел совершенно нежилой вид, но в нем явно кто-то обитал. В комнате вдоль стен тянулись широкие, наспех сколоченные деревянные нары. Окна были выбиты, но несмотря на это, в комнате висел какой-то душок. Сорокин покрутил головой, пробормотал; «Ладно, нынче лето» выбрал себе место у окна и предложил остальным устраиваться.

Они скинули какое-то тряпье и дерюги, лежавшие на нарах, развернули вытащенные из машины спальные, и обустройство было готово.

– Все свободны до двадцати трех тридцати, – объявил вдруг Сорокин. – Можете по городу, осмотреть достопримечательности, пообедать там где-нибудь. А я к секретарю обкома. У меня назначена в полдень встреча... Да, и кто-нибудь один пусть останется приглядывать за спальниками и машиной.

– Я останусь, – вызвался Павлюков. – Не хочу таскаться по жаре. Какие там достопримечательности? Да, Герман Иванович, принесите мне из города пирожков каких-нибудь или беляшей...

Когда все ушли, Павлюков вышел на улицу, постоял у порога. Солнце уже припекало вовсю, от густо заросшего крапивой и полынью пустыря густо тянуло запахами горячих трав. Но над всей этой идиллией словно висела какая-то незримая тень. Павлюкову было тревожно. Он прошелся туда-сюда. Под ногами хрупнуло что-то стеклянное. Профессор скосил глаза. Наполовину вдавленные в землю, там лежали осколки тонкой фарфоровой чашки с голубыми цветочками.

Павлюков представил себе, как из этой чашки пьет чай сам император. Или императрица Александра Федоровна. Пьют горячий чай вприкуску с неровно поколотыми твердыми кусками нерафинированного сахара, посмеиваются над чем-то незатейливым и не ведают о том ужасном, что непременно произойдет с ними в ближайшем будущем. Или все-таки ведают? Все они знают и заранее с этим смирились, простили своим будущим палачам?

Павлюкову стало зябко спине, словно по ней прошло что-то прохладное и скользкое. Он передернул лопатками и поспешил вернуться в сторожку, где лег поверх своего спальника и незаметно для себя, задремал. Но сон не принес успокоения. Снились ему какие-то невнятные кошмары.

\* \* \*

*11 июня 1983 года*

Июньские вечера тянутся мучительно долго. Особенно когда живешь в одиночестве, которое некому больше рассеять, и даже кошку уже не заведешь. Он попробовал и зарекся на будущее. Кошку он нашел у помойки. Она была бездомной и очень тощей, со свалывшимися клоками шерсти на впалых боках. Вначале все шло хорошо. Он позвал ее, и она охотно пошла, очевидно, отбоявшись свое. Терять ей было нечего, кроме жизни, а вечно голодная жизнь надоела и была уже в тягость.

Он даже уже не удивлялся своим новым способностям вот так, легко и просто, проникать в мысли и чувства посторонних людей и иных бессловесных тварей. Впрочем, может, он где-то и фантазировал. Ведь не проверишь, у кошки не спросишь, прав он или просто приписывает ей свои мысли. Вернее, спросить-то можно, вот только ответа не получишь...

Кошка поднялась за ним на пятый этаж по ободранной лестнице, где располагались его хоромы ровно на одну малогабаритную комнату и вошла следом в квартиру. В прихожей она быстро нюхнула, сориентировалась и пробежала на кухню. А там начались непонятки.

На кухне она резко затормозила, шерсть у нее не только на загривке, но даже и на боках вдруг встала дыбом, глаза загорелись диким каким-то огнем. Кошка заорала так, словно с нее живьем снимали шкуру, и принялась метаться. Опрокинула на кухонном столе стакан с недопитым чаем, взлетела на полку и чуть не обрушила ее, а потом пролетела мимо него в комнату, где проделала еще более головокрумные трюки, сшибая и круша все на своем пути. И при этом она, не переставая, орала, как помешанная. Впрочем, именно такой она и стала.

Он трижды ловил ее и пытался успокоить, но она расходилась все сильнее, в кровь издрала ему руки и норовила вцепиться в лицо. Назревал серьезный конфликт. В любой момент кто-нибудь из соседей мог заинтересоваться, почему за тонкой, как во всех малогабаритках, стенкой так страшно кричит кошка, и вызвать милицию. А встречаться с бравыми стражами правопорядка, имея налицо окровавленные руки и помешанное животное, ему отнюдь не хотелось. Разумеется, можно было бы объясниться, но милиционерам могло прийти в голову обыскать квартиру, а этого он позволить не мог.



Мысленно попросив у кошки прощения, он одним движением свернул зверьку шею. Потом запаковал ее в картонную коробку из-под обуви, а вечером, когда стемнело, вынес на помойку и выбросил в мусорный бак.

Больше он опытов с животными не проводил. Стало предельно ясно, что Головоломки не выносят конкуренции. Они и только они должны безраздельно владеть его вниманием и заботой. И днем, и ночью. Круглосуточно. И никаких иных домашних любимцев, вроде кошек, собак или, не дай бог, женщин они не потерпят и уничтожат.

И все было бы хорошо. Днем он много спал, ночами сидел с Головоломками, любимыми, загадочными, непостижимыми, которые он намеревался и должен был постигнуть. Но вот вечера оставались пустыми, ничем незаполненными и одинокими. Неизвестно почему, только он никогда не доставал Головоломки из тайника, пока за окном не стемнело. Было ли это внушено ими или так сложилось само собой, он не знал, но рисковать и идти наперекор своей интуиции не хотел. Головоломки были его единственной ценностью, самой ценной из всех, что когда-либо он имел. Он должен хранить, беречь их пуше жизни, потому что жизни без них – он знал это точно – не будет. И он должен бы их разгадывать. В этом был смысл самого его существования, для этого он появился на свет.

Он не задумывался над тем, что будет, когда он разгадает их все. До этого было еще далеко. Почти за два года он разгадал всего три Головоломки. Три из тридцати трех – именно столько было в «дипломате». И на это ушли все ночи. Все ночи, пролетевшие, как одно мгновение. А впереди их было еще очень, очень много...

Стемнело. Из тайника в ванной комнате, который он устроил по всем правилам конспирологии, он достал «дипломат», принес на кухню и положил на шаткий столик. Это тоже была традиция. Головоломками он занимался только на кухне. На кухне и более нигде. Оставалось лишь удивляться, сколько традиций возникло у него за последние два года. Но он не удивлялся. Все удивление он тоже берег для Головоломок.

## Глава третья

**Внутренняя документация группы «Консультация» (РГК).**  
*(Входящие) Из отчетов по оперативной работе за июнь 1981 года.*

«...и все артефакты уничтожены этим огнем. После локализации огня, наши приборы зафиксировали остаточную мощность аннигиляции в 25 спин-потоков. Естественно, что после такого разрушительного воздействия мы не нашли никаких следов. Утверждаю, что это была самоликвидация, поскольку «Лесник» понял, что мы установили его идентичность с «Оракулом» и решил уничтожить себя вместе со всеми артефактами...»

**Начальник оперативного отряда Восточно-Сибирского филиала РГК.**  
**Агент «Старик» (капитан Дежнев)**

\* \* \*

**Внутренняя документация группы «Консультация» (РГК).**  
*(Входящие) Служебная записка. Август 1981.*

«...После долгих размышлений, я пришел к выводу, что результат операции «Невод» не столь однозначен, как полагалось ранее. Вполне возможно, что я ошибался, принимая «Оракула» и «Лесника» за одно лицо. Сейчас мне кажется более верным предположение, что «Оракулом» мог быть кто-то из сотрудников «Консультации». Чтобы это не выглядело голословным утверждением, прилагаю достаточно аргументированную, на мой взгляд, подборку своих умозаключений...»

**Начальник оперативного отряда Восточно-Сибирского филиала РГК.**  
**Агент «Старик» (капитан Дежнев)**

*1 июня 1983 года*

Дача была старая и, с первого взгляда видно, совсем неухоженная. За покосившимся в разные стороны, щелястым, хотя и высоким забором, был густой сад. Даже не сад, а чащоба непролазная. Вольфрам постоял, посмотрел на это безобразие, тронул калитку – не заперто, и осторожно вошел во двор.

Меж двумя вымахавшими на высоту двухэтажного дома черемухами едва угадывалась тропинка. Собаки не наблюдалась, а если где и была, то явно, под стать саду, старая и ленивая, совсем не интересовавшаяся, кто это там вперся на подохранную территорию.

Придерживая локтем висевшую через плечо сумку, в которой временами стеклянно звякало, Вольфрам смело вломился в заросли. Черемуха отцвела еще месяц назад, но тонкий запах ее все равно висел в воздухе. А через десяток шагов она и какие-то еще кусты помельче, резко закончилась, открывая вид на дом.

Впрочем, гордое звание дома явно льстило этому допотопному сооружению. Так, развальноха, хибара, основательно вросшая в землю, так что пол широкой веранды был почти вровень с ней. Вольфрам подошел, по пути оглядывая ее.

Дача явно знавала и лучшие времена – основательный когда-то, на заре века, а то и раньше, пятистенник, сложенный из мощных бревен, а не тоненьких досочек, как строят теперь дачные домики. Но сами бревна давно потеряли цвет, побурели, и между ними торчали жидкие пучки седого мха, развевавшиеся на ветерке, как жалкие старческие лохмы – воспоминание о буйной когда-то шевелюре. Из четырех окон, глядящих с фронтальной стороны домишки, два были почему-то заколочены крест-накрест разошедшимися досками, а два оставшихся дав-

ненько не мыты, так что разглядеть через них, что происходит в доме, представлялось проблематичным.

По практически невидимой тропке Вольфрам прошел щедро заросшую полынью лужайку перед хибарой. Гипотетической ленивой собаки так и не нарисовалось, так что никто его не встречал. А в «Деле» указано, что Дежнев безвылазно сидит на даче, разочарованно подумал Вольфрам. Может, он тут уже того... скончался?

Вольфрам уже собирался ступить на веранду, как внезапно, с громким, протяжным скрипом открылась входная дверь. Возникший в проеме человек ничем не напоминал капитана Дежнева. Тот, что был в «Деле» на фото, имел крупное, овальное, чисто выбритое лицо с широко расставленными бровями, резкими скулами и энергичным ртом. На пороге же стоял старик-лесовик, по уши заросшей густой, каштановой с проседью бородой, скрывавшей все знаковые приметы – форму лица, скулы, рот. Седые кустистые брови были чрезмерно отросшими, что почему-то придавало ему сердитое выражение. Давно не стриженные, тоже седые, лохмы пучками торчали в разные стороны.

– Чего надо? – самым неприветливым тоном спросил старик.

Голос у него оказался скрипучим под стать двери, словно его обладатель разговаривал редко и почти уж забыл, как это делается.

Вольфрам, конечно, не думал, что его встретят с распростертыми объятиями, но такого холодного приема тоже не ожидал. От старика явственно несло устойчивым, на грани злобы, неприятием. Чтобы не нервировать его еще больше, Вольфрам остановился перед вросшими в землю ступеньками, не ступая на веранду без приглашения.

– Вы Петр Степанович? – спросил он.

– А ты кто такой? Чего тут шарисься? – получил в ответ.

Узкое лицо Вольфрама перерезала хищная улыбка. На самом деле, Вольфрам хотел улыбнуться приветливо, но все его улыбки несли в себе если не веселую угрозу, то, по крайней мере, предупреждение.

– А я к вам, Петр Степанович, – сказал он. – Привет из «Консультации».

– Я по клиникам не хожу, – получил он в ответ.

Улыбка Вольфрама медленно погасла.

– Не понял, – четко, раздельно сказал он. – Вы что, не Дежнев?

Кустистые брови старика грозно сдвинулись.

– Нет, – отрезал он.

– Значит, вы его родственник, – попытался угадать Вольфрам.

– Даже близко не лежал, – проскрипел в ответ старик.

Мысли Вольфрама лихорадочно заметались, пытаясь мгновенно выработать новую линию поведения. Он никак не ожидал, что в доме капитана Дежнева, оперативника «Консультации», может жить посторонний человек.

Ничего не придумав, Вольфрам решил идти напролом.

– Не морочьте мне голову, Петр Степанович, – резко, в тон старику, сказал он. – Нужно поговорить. Август восемьдесят первого. Операция «Невод».

Старик хмуро уставился в пол и какое-то время не двигался. Вольфрам тоже молчал, давая ему возможность повспоминать и переварить услышанное. Наконец, старик ожил.

– С этого надо было начинать, – проскрипел он. – Заходи в дом. Ты один?

– Один, – кивнул Вольфрам. – Я же пришел к коллеге по службе, а не к подозреваемому.

– Ла-адно, – протянул старик и мотнул бородой. – Идем, «коллега».

В доме Вольфрам ожидал увидеть тот же бардак и беспорядок, что царил на улице, но с первого взгляда понял, что ошибся. Давно немые окна горницы давали мало света, но его все же хватало, чтобы увидеть, какой царил в комнате свирепый, даже стерильный порядок. Вещей было немного, но все они были ухожены так, что до них страшно было даже дотро-

нуться. Стол ровно посередине, накрытый белоснежной скатертью. Три табурета, так идеально отполированный и отлакированные, что просто просились в музей, а не в полуразвалившуюся хибару. У левой стены, в простенке между двумя окнами, пузатый комод старинной работы, какого-то необычного цвета, какого Вольфрам никогда не видел у дерева. Наверное, это и есть красное дерево, мельком подумал он, оглядывая обстановку.

– Садись к столу, – велел старик и сам сел напротив его, поставив на стол локти.

Только в комнате Вольфрам обратил внимание, что одет был Петр Степанович в широкую выпускную рубаху в крупную темно-коричневую клетку, перетянутую в талии наборным ремешком, какие-то широкие штаны, заправленные в смятые гармошкой сапоги. В старину он играет, что ли? – подумал Вольфрам. Или попросту окончательно сбрендил? Вольфраму трудно было себе представить, что кто-то станет у себя дома, тем более, в дачном поселке, ходить в наряде, отставшем от моды минимум на век, а то и больше.

Вольфрам сел боком к столу, сумку поставил себе на колени, не решаясь нарушить ею нетронутую белизну скатерти, и приглашающе ее встряхнул. В сумке звякнуло стекло.

Но старик отрицательно мотнул кудлатой головой.

– Сперва о деле, – проскрипел он. – Веселие оставим на потом, если к нему вообще будет повод. Сумку поставь на пол. Да не сомневайся, полы чистые, каждый день их мою.

Ну точно, сбрендил капитан Дежнев, усмехнулся про себя Вольфрам. Это ж надо...

Он поставил сумку на пол, к ножке стола, обратив внимание, что пол, из некрашенных, но гладко выскобленных досок, действительно был стерильным под стать остальному убранству.

– Ну, о деле так о деле, – сказал он. – Разумеется, я не просто зашел передать тебе привет, – Вольфрам сходу перешел на «ты», чтобы не ставить себя в положение подчиненного, а разговаривать на равных. – Да и передавать его, честно говоря, тебе уже некому. Шеф твой скончался, но ты это, наверное, знаешь. Глава местного отделения «Консультации» теперь Сергей Иванович Анисимов. Но это тебе ничего не говорит. Его перевели из Карелии, да и меня заодно оттуда же. Уже три месяца назад...

– Это все лирика, – перебил его старик, шевельнув бровями, – и мне неинтересно. Давай сразу к делу, без вступлений. Операцию «Невод» ты упомянул, просто чтобы разговор завязать, или?..

– Или, – сказал Вольфрам.

– Вот это уже интересно, – впервые в скрипучем голосе послышались нотки одобрения, что ли? – Так что там с «Неводом»?

– Плохо там с «Неводом», – сощурился Вольфрам, пристально глядя на Дежнева, но что там можно прочесть по лицу, где одна лишь и есть приметная деталь – борода. – Артефакт ты там упустил, Петр Степанович. Очень опасный артефакт. Из-за него может пострадать много народу.

Старик долго молчал, уставившись в стол, затем поднял на Вольфрама колючие, прячущиеся на густыми бровями глазки.

– Ты где машину оставил? – неожиданно спросил он.

– Я на электричке, – сказал Вольфрам. – Не хочу бросаться в глаза.

– Это правильно, – одобрительно кивнул Дежнев. – Я тоже не люблю отсвечивать. Кто сказал, что была утечка?

– А кто знает про артефакты все? – задал встречный вопрос Вольфрам.

– Кураторы, – медленно, словно поднимал тяжелый камень, произнес старик.

– Кураторы, – сказал Вольфрам.

– Но ты ведь приехал не просто мне попенять?

– Разумеется, – сказал Вольфрам. – Я хочу знать об этой операции все.

– Все есть в «Деле», – ответил Дежнев и чуть насмешливо прибавил. – Или тебе читать лень?

– «Дело» я прочитал, – сказал Вольфрам. – Но в отчетах никогда не бывает всего. Мне нужны свидетельства очевидцев.

Седые, встопорщенные, как и шевелюра, брови Дежнева на мгновение поднялись.

– Вот как? А что, других очевидцев вы не нашли?

– Ты самый важный, Петр Степанович, и сам прекрасно об этом знаешь. Ты был командиром опергруппы «Консультации», разрабатывавшей объект. Тебе известны все детали и нити. И меня интересуют именно эти детали, пусть самые мелкие, которые могли и не попасть в отчет. Короче – все, что произошло во время операции. А особенно, и это уж точно нет в «Деле», что произошло ПОСЛЕ нее.

– О, как! – после недолгого молчания сказал Дежнев. – Наконец-то хоть кто-то заинтересовался.

– Я не кто-то, – сухо сказал Вольфрам. – Я такой же командир опергруппы, каким был ты. Так что давай начистоту, Петр Степанович. Хватит уже отсиживаться в берлоге. Что произошло там такое, после чего ты ушел на пенсию – или тебя ушли, – а твой начальник Парамонов почти год спустя покончил с собой? Мне нужно это знать.

Про начальника Вольфрам блефанул. Это была, мгновенно возникающая, чистая догадка. Но, очевидно, тут он попал в цель.

Дежнев снова долго глядел в стол. Наконец, пошевелился и словно внутренне встряхнулся.

– Ты прав, – сказал он. – Конечно, ты прав. Кстати, как тебя зовут? А то ты меня знаешь, а я тебя – нет. Непорядок.

– Зови меня Вольфрам.

Улыбка впервые на секунду раздвинула бороду хозяина.

– Выпендрёжное имя, – проворчал он. – Со смыслом, но – выпердрёжное. А по паспорту как?

– Георгий Волков, – сказал Вольфрам и сжал зубы.

Он не любил, чтобы над именем, которое он выбрал сам, насмехались. Но ему было необходимо получить от этого замшелого дачника, в которого так быстро превратился бывший оперативник «Консультации», как можно больше информации, поэтому вступать в конфликт было противопоказано. Следовало засунуть свою гордость куда подальше и выдавливать эту информацию до последней капли. И даже потом просто любезно попрощаться, потому что этот Петр Степанович мог в дальнейшем еще пригодиться. Мало ли что?

– Ладно, не хорохорься, – сказал Дежнев, каким-то образом почуяв его напряжение. – Не бойся. «Жорой, поддержи мой макинтош» дразнить не стану. Буду звать тебя Георгием. Хорошее имя для бойца. А ведь оперативник всегда боец. Ладно, – повторил он, – выложу тебе все начистоту, поскольку ты не погнушался, сам приехал навестить старика, а не просто вызвал в Контору. Будешь просто слушать или станешь записывать?

– Запишу, если не против, – сказал Вольфрам, достал из кармана и положил на стол маленький, с мизинец, предмет – диктофон-регистратор, который брали с собой на задания сотрудники «Консультации».

– Не против. Поехали, – кивнул Дежнев. – На фигуранта операции «Невод» мы вышли довольно случайно, в ходе разработки совершенно другого дела. «Сибирский Оракул». Читал по нему материалы?

– Нет, – мотнул головой Вольфрам. – Я уже говорил, что в данном филиале недавно. Откуда мне знать про ваши прошлые дела?

– Дело «Оракула» осталось незакрытым, – сказал Дежнев. – Три года назад, с восьмидесятого по восемьдесят первый, какой-то гад рассылал предсказания. Посылал их как отдельным людям, так и в организации, деятельности которых эти предсказания касались. Мы бы этим и не заинтересовались, если бы не один факт. Все предсказания были на короткий срок,

от недели до месяца. И все они сбывались. Все, до единого. А это уже наша епархия, поскольку основная цель «Консультации» – рубить под корень все странное и необычное, что произрастает на подведомственной территории... Ну, детали ты можешь прочитать в деле и сам. Найдешь его в разделе приостановленных, поскольку мы с ребятами пахали почти год, но так и не смогли ущучить этого пророка доморощенного. В разработку попало несколько десятков человек, каждый из которых чем-то выделялся из окружающей толпы. Тогда у меня и возникла идея операции «Невод».

– Значит, фигурант, из-за которого и заварилась каша, описанная в деле, был в «Неводе» не единственным? – спросил Вольфрам.

– Так ты не читал его все? – спросил Дежнев.

– Нет, – отрезал Вольфрам. – Там три пухлых тома. Когда мне было? Я прочитал только то, что касалось заключительной части.

– Понятно. Да, фигурант под условной кличкой Лесник был далеко не первым и не последним из разрабатываемых «Неводом», хотя стоял ближе к концу списка. Но до него мы одну за другой тянули «пустышки», и мне это порядком надоело. Лесник казался перспективным, впрочем, как и предыдущие, иначе они не попали бы в наш список. Жил он в Вирске – глухомань страшная, одно название, что город. Так, населенный пункт в стороне от больших дорог, в паре сотен км. от Сибирска. Был Лесник одинок и нелюдим, этакий классический бирюк. Единственным человеком, с которым Лесник поддерживал нечто вроде отношений, был учитель биологии в местной школе № 2. На любви к природе они с ним схлестнулись, что ли. Да и что там за отношения, так, встречались пару раз в месяц, а то и реже, сидели друг у друга за рюмкой чая и чашкой водки – вот и все отношения. Кстати, наш психолог разработал портрет Оракула – таким он и должен быть. Лесником он, разумеется, не работал, а трудился, не покладая рук, кладовщиком в местном кооперативе. И что уже необычно – на такой должности стоял, а к рукам у него ничего не приставало. Мы долго проверяли – чист, со склада своего ни гвоздика не вынес. Но это в рабочие дни он был кладовщиком, а по выходным уходил в лес, и летом, и зимой, как говорится, в любую погоду. Был у него там домик, так, бывшая чья-то сторожка, развалившаяся вконец. В ней он и жил. И занимался там чем-то непотребным. Мы думали, как раз предсказаниями, для которых нужно ему было одиночество и либо специальная аппаратура какая, либо контакты с гостями извне. Потому что, не тебе мне рассказывать, не может обычный земной человек видеть реальное будущее, хотя бы потому, что будущего реально и объективно не существует. Так что было совершенно ясно, что дело нечисто. В этой сторожке я и решил Лесника брать.

– А зачем нужно было такой шум поднимать? – спросил Вольфрам. – Ты же знал, что он там один, Лесник этот ваш. Ну, и взяли бы его тихонечко, своими силами. Для чего нужно было целую роту «Каскада» гнать туда на вертолетах аж из самого Сибирска?

– Да откуда я знал, что вообще шум будет? – заорал Дежнев и стукнул кулаком по столу, но тут же снова притих. – Прав ты, конечно, – сознался он. – Дурацкая была идея с самого начала. Мне вдруг стукнуло в голову, что если Лесник увидит вокруг сторожки своей кучу людей в спецкомбезах, масках, с оружием, он быстрее расколется. Да и не один он мог там быть. Я к тому времени уже почти совсем уверился, что Лесник и есть наш искомый Оракул. Значит, могли у него там быть гости. А даже если и был он один, то с таким оружием, что сил моей группы могло бы и не хватить. А ребята из «Каскада» – не лохи-мусора. Такие же дворец Амина брали в Кабуле, а там охраны было – до чертиков, сам понимаешь...

– Тогда что же там произошло? – спокойно спросил Вольфрам. – В «Деле» об этом как-то слишком вскользь говорится.

– А я не знаю, что там произошло, – как-то особенно скрипуче ответил Дежнев и даже скрипнул зубами. Глазки его нехорошо блестели из-под бровей. – Все шло по плану до тех пор,

пока каскадовцы не вышли к сторожке. И тогда загорелся лес, и в пожаре погибли восемьдесят три человека.

– Восемьдесят, – поправил его Вольфрам. – Я читал, что троих выживших увезли на «скорой» в больницу.

– Знаю, – проскрипел Дежнев. – Двое умерли по дороге. Одного врачи, правда, вытащили буквально с того света. Но он остался на всю жизнь калекой, к тому же, полностью потерявшим память. Я проверял.

– Петр, а ты понимаешь, что бойцы такого уровня, как подразделение «Каскад» просто по определению не могли погибнуть в заурядном лесном пожаре? Тем более, все поголовно?

– Это был непростой пожар, – мотнул головой Дежнев. – Лес загорелся сразу со всех сторон. Я со своими людьми в это время находился в фургоне дистанционного наблюдения вместе с командиром отряда «Каскад» и техниками. На операцию я взял с собой не всю группу, а только двоих, Павлова и Сушкевича. Данные по ним можешь найти в деле. Свою аппаратуру мы, понятно, не могли развернуть при посторонних, поэтому я полагался на технику каскадовцев. Командир первого отделения как раз сообщил, что они вышли на визуальный контакт с избушкой, когда загорелся лес. Я со своими парнями был в спецкостюмах с силовым полем, поэтому пожар не мог нас остановить...

\* \* \*

*6 июня 1981 года*

Фургон дистанционного наблюдения, установленный в «Урале» с усиленным двигателем, стоял на поляне буквально в десяти метрах от леса. Когда вспыхнул пожар и фургон заполнили дикие крики погибающих спецназовцев, бесстрастно переданные рациями, Дежнев сделал знак своим людям, и они втроем быстро вышли из на улицу. Густо пахло дымом, болью и страхом. В пятнадцати шагах впереди пылало и билось на ветру пламя. Быстро пройдя поляну, Дежнев и его бойцы включили силовые поля костюмов, когда в лица уже пахло жаром, и тут же скрылись в пламени и дыму.

Защитное поле было само по себе невидимым, но окружающее становилось чуть смазанным, расплывчатым и нереальным, и после его включения следовало немного постоять, привыкая к этому. Вот только времени привыкать у Дежнева не было. Они втроем сразу ринулись вглубь леса, сквозь полыхающие густые заросли.

Дежнев сразу обратил внимание на странности этого пожара. Огонь с гулом шел по ольшанику, сжимал в объятиях колючие деревца боярышника, с жадностью пожирал мох, толстым слоем покрывавший землю, а в тех местах, где не было мха, горела сама земля. Дежнев с напарниками не рисковали задохнуться, хотя дым висел густыми полотнищами, сквозь которые простреливали длинные, в десятки метров, языки пламени. Но сквозь защитное поле ни пламя, ни дым проникнуть не могли, а маленький баллон со сжатым кислородом, подававший воздушную смесь внутрь поля, был рассчитан на час для человека, занимающегося интенсивной работой. Заблудиться они тоже не рисковали. У каждого на левой руке был навигатор, исполненный в виде часов. Навигаторы были настроены на избушку в центре леса, и пульсирующая зеленая точка на циферблате указывала направление, подобно тому, как стрелка компаса всегда показывает на север.

Они шли быстро, напрямик, раздвигая полыхающие кусты защитными полями. И через восемь минут ходьбы в таком темпе им стали попадаться бойцы отряда «Каскад». Вернее, то, что от них осталось. Это были не люди, не трупы, даже не обгорелые трупы. Пепел и угли – вот что осталось от людей. Пепел и угли среди размягчившихся бронежилетов, смятых шлемов и десантных «калашей» с «потекшими» от жара стволами. Удивительно, что боеприпасы ни у кого не рванули: магазины автоматов и гранаты были на вид целехонькими, хотя их владельцы

обратились в прах. И это тоже было загадкой, но Дежнев не стал обращать внимания на такие мелочи. Он стремился в центр леса, к избушке.

Еще минута, и они втроем вышли на поляну, куда и стремились. Вот только ни полуразвалившейся сторожки, ни самой поляны тут больше не было. Взору Дежнева открылось абсолютно пустое пространство диаметром около сотни метров, покрытое толстым слоем серого пепла. И не было здесь абсолютно ничего: ни деревьев, ни кустов, ни домишки, ни самого Лесника – цели их поисков. Встроенные в спецкостюмы приборы молчали, не отмечая ни радиации, ни полей, ни органики. Ничего. Пусто. Все, что было на этой поляне, аннигилировало, окончательно кануло в небытие.

Дежнев ковырнул носком сапога пепел. Под ним лежал ровный слой шлака – все, что осталось от выгоревшей, очевидно, до базальтового основания, почвы. Финита. Приплыли. Ловить здесь больше было нечего. Искать – тоже некого. И зеленая точка на циферблате коммуникатора больше не горела и не пульсировала. Она погасла за полминуты до того, как Дежнев вышел к поляне. Лесник, на биополе которого коммуникатор, собственно, и был настроен, больше не существовал. Ушел в небытие вместе со всем остальным. И теперь уже Дежневу было окончательно ясно, что именно он и был искомым Оракулом, так что «Дело» можно было закрывать.

А те твари, которые управляли Оракулом, направляли его или просто помогали ему, больше сюда не сунутся. Капитан Дежнев, работавший в «Консультации» с самых первых дней ее основания, был убежден, что Оракул был связан с какими-то инопланетянами. Но вот с какими, и каковы были их совместные цели, теперь уже не узнать.

Дежнев пожал плечами. Ловить здесь было некого, спасти – тоже. Жалко было ребятшек из «Каскада», влипнувших в эту заваруху по его, капитана Дежнева, полной вине, но ничего изменить уже было нельзя. Оставалось уйти тихо, по-английски, не прощаясь. Что Дежнев и сделал, запросив по спецсвязи у Центра телепорт прямо из леса.

Так вот и получилось, что трое неизвестных подложными документами втравили целую роту «Каскада» в непонятные разборки в лесу, где почти все бойцы и полегли. А неизвестные, прямо на глазах ошaleвшего командира отряда майора Головина, спокойно вошли в пылающий лес, в самое пламя, и бесследно исчезли. Прилетевшие позже спасатели и гэбисты, которым осталось собирать по лесу горячие еще угли, бывшие совсем недавно живыми людьми, не обнаружили никаких следов странной тройцы. Головину оставалось поверить в невозможное. В то, что Заказчик с двумя подчиненными, сознательно и добровольно совершили самосожжение, что никак не вязалось с теми впечатлениями, которые они оставили по себе...

\* \* \*

*1 июня 1983 года*

– Я был убежден, что Лесник был Оракулом и погиб в том лесу, – повторил Дежнев. – Убежден стопроцентно. Поэтому я закрыл «Дело» Оракула, подвел неутешительные итоги по так кроваво провалившейся операции «Невод» и стал ждать результатов внутреннего расследования. От работы меня временно отстранили. Месяц спустя следствие пришло к выводу, что в моих действиях не содержится ошибок или нарушений. Я все сделал правильно. Всё.

Дежнев повысил голос. Полуденное солнце едва пробивалось сквозь запущенный сад и давно немытые окна, так что на лице отставного оперативника лежали тени.

– Петр Степанович, я и не думаю тебя ни в чем обвинять, – негромко сказал Вольфрам. – Но почему же ты тогда не остался в «Консультации»?

– Я ушел на пенсию. Сам. Добровольно, – отрывисто сказал Дежнев. – Благо, возраст мой давно уже это позволял. «Консультация» ведь все же спецслужба, тайная, но официальная, и, как любая спецслужба, попадает под действие закона о военных подразделениях, в первую



очередь, в разделе о пенсиях. А военный любого ранга может уйти на пенсию после двадцати пяти лет служения Родине. У меня к тому времени намотало уже тридцать семь таких годков, так что я просто воспользовался своим правом.

– Я все это знаю, – кивнул Вольфрам. – Но ПОЧЕМУ?

– В первую очередь, потому, что я ошибся, – голос Дежнева скрипел, как нож по сковородке. – Лесник вовсе не был Оракулом. Оракул просто подставил его вместо себя, а сам затаился. И два месяца спустя возобновил свою рассылку предсказаний. А я к тому времени уже закрыл его «Дело» и сдал в архив. Из архива его, конечно, вытащили и вновь открыли, но это уже без меня. Я понял, что окончательно постарел и неспособен адекватно оценивать события. Это конец оперативной работе. А подшивать бумажки в Центре – это не для меня.

– Я все это прекрасно понимаю, – сказал Вольфрам. – Сам такой. Но все-таки, что-то ты мне не сказал. Не зря ведь Куратор объявил, что именно во время проведения «Невода» был упущен какой-то артефакт. Кураторы зря говорить не станут. Значит, у них есть такая информация.

– Ну, Кураторы тоже не все знают, – проворчал Дежнев, – иначе не было необходимости в «Консультации». Они не боги. Впрочем, даже боги способны на ошибки, если верить мифологиям.

– И все-таки?.. – настаивал Вольфрам.

– Не было там никаких артефактов, и быть не могло, – отрезал Дежнев. – Там вообще ничего не было, на этой треклятой поляне. Полная аннигиляция. Один пепел и шлак.

– Пепел и шлак, – задумчиво повторил Вольфрам. – И три человека, которые сумели выбраться из этого ада. Правда, двое из них умерли по дороге в больницу. Но вот третий...

– Полный инвалид, – оборвал его Дежнев. – Катается в инвалидной коляске, мочится в шланг и, главное, ничего не помнит о событиях в лесу. Вообще ничего. Я сам проверял психосканером. Полный нуль, в основном, базовые рефлексy. Он даже говорить разучился.

– Понятно, – криво усмехнулся Вольфрам. – Ну что ж, спасибо тебе, Петр Степанович, за откровенный разговор. Ну что, теперь настал час потехи? – и тронул ногой звякнувшую стеклотарой сумку.

– Чаепитие отменяется, – проскрипел Дежнев. – Устал я. Все же, возраст не тот, отдыхать часто требуется. Ты уж не серчай, старлей...

– Понятно, – вздохнул Вольфрам, быстренько попрощался и покинул не слишком гостеприимное жилище.

Но все таки что-то тревожило его, не давало покоя. Какое-то смутное ощущение, что он упустил нечто важное, что услышал, но на что не обратил внимание. Ладно, отмахнулся Вольфрам, запись беседы есть, в Конторе прослушаю еще раз, может, что и всплывет.

Но уже на платформе, дожидаясь электрички, идущей в славный город Вирск, Вольфрам сообразил, что это было. На прощание Дежнев назвал его старлеем. А ведь Вольфрам представился ему просто по имени, не упоминая звания. Что это было? Просто догадка, или...

## ДЕЛА КРУПНЫЕ И МЕЛКИЕ – 3

*(«СС ОП»)*

*Второе Главное Управление КГБ СССР.*

*Из донесений от 01.07.1983 г.*

*Из записи допроса Павлюкова Н.А.*

«— ... мы должны были провести ночной магический обряд на месте бывшего дома Ипатьева.

- Для чего?
- Чтобы пробудить...
- Ну, продолжайте, что замолчали? Или вы считаете, только сумасшедший сотрудник госбезопасности мог плести такую ахинею?
- Но ведь он...
- Послушайте, милейший Николай Андреевич! Если вы продолжите в таком же духе и будете дальше бекать и мэкать, я закончу эту беседу, и разговаривать вы будете с другими сотрудниками и в совершенно иной обстановке. Как вам обвинение в клевете на наши доблестные органы?! Все изменится, едва вы окажетесь за дверями этого кабинета. Никто не сможет гарантировать вам безопасность... А я могу! Вы понимаете это?!
- Да...
- Итак, продолжим. То, о чем мы сейчас говорим, имеет в какой-то мере особое значение. Поэтому договоримся так. Вы мне выкладываете все как есть и все, что помните, а я уже отделию зерна от плевел. Расскажите еще раз о тех ощущениях, которые вы испытывали во время... так называемого обряда. Что это было. Голоса, предчувствия?
- И то и другое вместе...»

***Отдел особых расследований ВГУ КГБ. Полковник Алексеенко.***

*В ночь с 11 на 12 июня 1983 года*

Ровно за полчаса до полуночи Сорокин разбудил остальных членов экспедиции, ума-явшихся за день прогулкой по городу и проспавших весь вечер, несмотря на жару, духоту и неприятный запах в заброшенной сторожке. Хмурый и загадочный Максютлов расстегнул ремни тяжелого тюка, который притащил из машины, и раздал каждому по плотно набитому рюкзаку.

Павлюков взял свою ношу и крикнул – рюкзак был небольшим, но оказался неожиданно тяжелым, словно набитым свинцовыми гантелями.

– Ничего, тут недалеко, – подбодрил его Сорокин.

На улице стояла совершенная темнота. Луны на небе не было, она должна была взойти только к трем часам ночи, насколько знал Павлюков, улица Карла Либкнехта, протянувшаяся за пустырем, равно как и пересекающая ее Клары Цеткин, была не освещена ни единым фонарем. Усыпанное по летнему крупными звездами небо казалось бездонным в своей черноте.

У Сорокина и Максютлова оказались мощные фонари. Два луча света прорезали темноту пустыря, указывая дорогу прямо в середину зарослей крапивы. Никто не ворчал, но все, кроме двух ведущих, переглядывались в темноте и недоуменно пожимали плечами.

– Осторожней идите, товарищи, – предупредил Сорокин. – Здесь могут быть выбоины, не упадите...

Тут же Кеша, самый молодой из членов экспедиции, пошатнулся и взмахнул руками, издав невнятное ругательство. Правда, он тут же извинился перед строго поглядевшей на него Екатериной Семеновной, но после этого инцидента почему-то пропала всеобщая скованность, все почувствовали себя увереннее и бодрее.

Посреди пустыря Максютлов остановился, скинул свой рюкзак на землю и глухим, монотонным голосом велел остальным сделать то же самое. Потом он взял поочередно каждого за руку и отвел в какую-то определенную точку.

– Все нормально, все нормально. Скоро вы все поймете, – сказал Сорокин. – А пока что прошу всех делать то, что просит Арнольд Петрович.

Павлюков отметил, что их расставили так, что они оказались в трех углах звезды, с размахом лучей метров в восемь. Что-то это смутно напомнило ему, но что, но не мог догадаться и морщил в безуспешных попытках лоб.

Загадочный Максютлов тем временем достал из рюкзака и собрал какой-то прибор на высоком фотографическом штативе, похожий на теодолит, но не горизонтально, а под тупым углом вверх. Потом он несколько минут то и дело смотрел в него, а потом делал какие-то записи или вычисления в записной книжке, а Сорокин светил ему фонарем. Потом Сорокин вернулся на свое место, а Максютлов раздал всем толстым черные свечи.

– Спички у всех есть? – спросил он глухим своим голосом, словно у человека, который давно ни с кем не разговаривал и сейчас вспоминал, как это делается. – А вот курить пока воздержитесь, – предостерег он Штерна, неугомонного курильщика, который пользовался каждой минутой, чтобы задымить очередной сигаретой. – Я вас надолго не задержу.

Штерн с досадой растоптал так и не зажженную сигарету каблуком. Максютлов перенес штатив и установил его так, что он встал в незанятый угол правого плеча звезды, а сам, держа в руке какую-то плоскую и широкую то ли чашу, то ли блюдо, встал в острие центрального луча. Звезда была завершена.

Это же пентаграмма, пронеслось вдруг в голове у Павлюкова, и он вздрогнул, словно его пронзал налетевший неведь откуда холодный ветер. Но ветер ему лишь показался. Ночной воздух был совершенно неподвижен и тяжел, стало душно, как перед грозой. И словно в подтверждение этого далеко у горизонта бесшумно вспыхнула дрожащая зарница.

– Зажгите свечи, – донесся до него голос Максютлова.

Павлюков чувствовал, как по лбу медленно катятся тяжелые капли пота, но почему-то не мог поднять руки, чтобы смахнуть их. Действуя размеренно и четко, как автомат, он зажег толстую черную свечу, а внутри у него в это время все дрожало и трепетало.

Черные свечи и пентаграмма – а пятиконечная звезда, по сути, не что иное, как незавершенная пентаграмма, – являлись неперенными атрибутами черной магии, а также входили в состав Черной Мессы. Как историк, Павлюков знал примерную суть этих ритуалов. Как современный человек и советский ученый, он не мог относиться к ним иначе, чем как к примерам мракобесия и средствами управления одуроченными, напуганными толпами. Но зачем это нужно здесь и сейчас, он представить себе не мог, но не мог и воспротивиться этому. Даже если бы он сумел взять контроль над своим внезапно вышедшим из повиновения телом, оставалось еще впитанное с рождения повиновение человеку власти, представителю всемогущей Конторы под известной всем аббревиатурой КГБ, которым являлся руководитель экспедиции Сорокин.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.